

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

№ 2 (880)

1964

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ХОЗЯИНОМ?
СТИХИ ОЛЕГА ДМИТРИЕВА
КОНКУРЕНТЫ СОЛНЦА
ВЫСТРЕЛЫ НА ЛЫЖЕ

Алексей СМОЛЬНИКОВ

А К Т Е Р, И Г Р А Ю Щ И Й Л Е Н И Н А

Видна пылинка каждая на сцене.
«Юптеры» высвечивают пол.
Стремительной походкой входит

Ленин,
Как будто год семнадцатый вошел.
Как будто в гущу лет шестидесятых
«Авроры» луч внезапный полоснул.
И подалась галерка, как когда-то,
И нем партер. Не скрипнет даже стул.
Как вымер зал. Освещена лишь сцена.
Лишь на политрах светятся огни.

А дальше,
точно в гору,

постепенно
Идут ряды. Едва видны они.
И он ведет, прищурившись, глазами
В немой партер, и первый ряд притих.
Как будто шлет Ленин в темном зале
Испытанных соратников своих.
Все дальше, дальше взгляд его
проходит,

Как будто по годам, не по рядам,
И вот уже у входа он находит
Тот год, когда он жив был. Но уж

там
Ни пиджаков, ни платяев, ни погон
Не различить — одни глаза там,
в зале,

Как будто он глазами окружен
И освещен не лампами — глазами.
Они видны сквозь полутьму рядов,
Все дальше, дальше светятся,

немые,
И кажется, сквозь стены вся Россия
Глядит глазами сел и городов!
И зал встает, и вдруг из темноты —
Как дальний залп,

как гром,
как рев прибора!
И к Ленину летящие цветы
Актер снимает дрогнувшей рукою.
Потом

устало
вытрет влажный грим,
Лбом прислонится к охлажденной
раме.

И только лица, лица перед ним,
И только люди, люди пред глазами...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

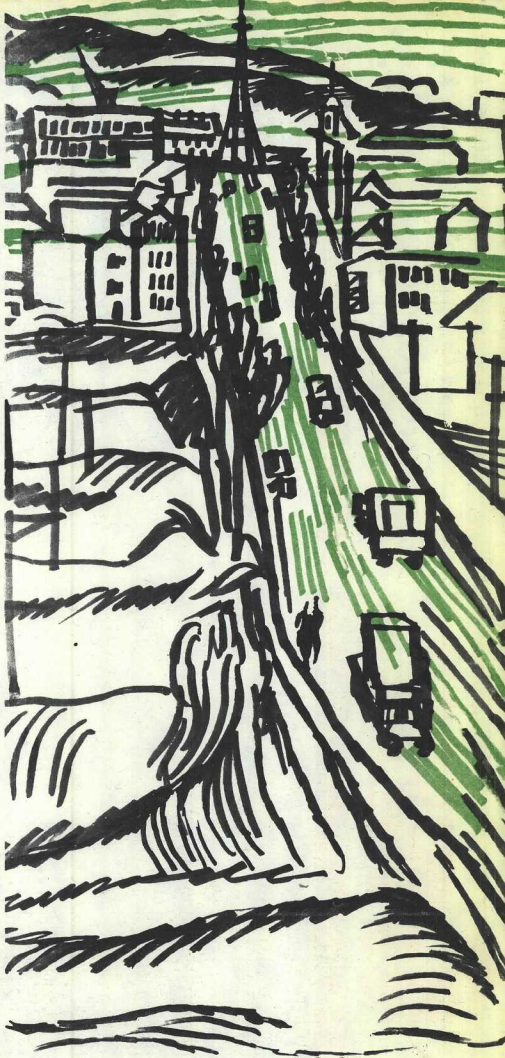
СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

2 (880)

ЯНВАРЬ
1964

Год издания сорок первый

г. МАГАДАН. Ленинский проспект.

На полигоне Большого Хатчинха.

Тамара ИЛАТОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Смелых»

Кольма. Она открылась мне в лунную августовскую ночь у Злоногового перевала. Автобус, мчавшийся от Магдана по тысячекилометровой кольцевой трассе, намерился, попробовал ухват. Паутина дремы порвалась. В огромной пустоте шел снег, густой и бешуемый.

Она открылась крутыми хребтами черных гор, голых, истинных снегов. Снег все валит и валит, тизик, как госпитальная вата. Редкие порывы ветра сдирали колочную поемку. А черные горы рухнулись в око. Горы, горы... И снег... Старая планета Кольма.

Она открылась мне темным обелиском на субтропичном перевале. Ветер сплывал снежинки с постамента. Здесь в тридцать втором году замер инженер-связист Макеев. Его бригада тянула телефонную линию. Вот строки из записки кинемки одного связиста: «Дороги через перевал не было. Наверху дула поземка. Неся на спине груз, люди шли гуськом по глубокому снегу и только след в след. На месте, где должны были стоять палатки партии связистов, мы увидели ровную снежную равнину. В одном месте прямо из снега шел дым. Оказалось, что изпод снега горит кончик трубы, выходящей из одной палатки. Люди были погребены под свежим покровом. Наши рабочие, у которых воспалился глаз от яркого снега и солнца, остались здесь отдыхать, а мы вдвоем отправлялись дальше. Шли по хребтам сопки, без лыж. По таежному месту это было нелегко, но когда перебрались через распадки, проваливались по пояс. Тогда мы

брали в руки ветки стланника и ползли, упираясь ими в снег...»

Кольма плавает в темном стекле. Черная, безмолвная, тихая. Прошлое возвращается само. Костры пылают в тайге. У костров спят люди — прямо на земле. В пятидесятиградусной мороз. Строятся кольмская трасса. Фельдшер кусачками откусывает обмороченные пальцы. А прокисшие труппы парозодов все выплескивают и выплескивают на берег тысячи новичков. В тайгу. На снег. В пятидесятиградусный мороз.

Слабо забрелки рассвет. И в автобусе мягко и сонно заворчалась смех.

— Снег! Вы гляньте! — снег!
— Ого, поднималло!

В степе над головами самодовольно покатывается арбуз, вывезенный из самой Москвы.

Эта планета обитаема

— Эй, девушка, девушка! Поди сюда!

Охота была одной лазать по сопкам! Из гремящего трактора торчит коричневая физиономия.

— Помоги, а?

С трудом залезло в кабину.

— Ну, чем я могу помочь?

Трактор начинает катиться по склону, на редкость крутому склону.

— Чем помочь? — тороплю я чума-зого парня. — Ну, чем помочь? Парень облизывает губы.

— Катюшку идищи!
— Ни черта я во вижу!
— Да вы, под нами, катюшка свя-

зистов... Мне ее надо подцепить. А ты поддержи тормаза!

Катюшка лезет на крохотном пятачке. На нее уже шлепаются куски сландца. А за пятачком... Мама родная!

— Я не умею! — кричу я. — Я не умею тормозить!

Молчит, улыбается. Ну и физиономия! Трактор катится в тартарары.

— Ставь свою ногу рядом с моей на педаль! Да левую, левую! Левую, я говорю!

Педаль слабо вздрагивает под ногой.

— Теперь правую. Быстрее, быстрее! Траки, владца, ползут.

— Держи! — кричит парень и прыгает прямо под трактор.

— Ой, на ударю! — ору я истинным голосом.

Но парень ничего не слышит. Он не может услышать: трактор ревет, как скрежежущий. Траки начинают медленно ползти. Там, за трактором, — коричневый парень, а за парнем — отвесный обрыв.

Я подтягиваюсь и обхватываю кающую толстую трубу. Теперь у меня есть опора. Педаль оседает назад. Траки перестали шевелиться. Губы становятся солеными, но уже почти весело.

Я прижимаюсь свитером к масляной трубе и чувствую каждый мускулюк, как дрожит под ногами запрокинутый над обрывом трактор. Наконец парень влезает в кабину, и я отдаю ему сначала левую, потом правую педаль. Мы вылезем на дорогу — здесь строится электростанция и дальнему приходу.

— Отличный день сегодня! кричу я. — День, день отличный!

Рисунки Елены ЛЕБЕДЕВОЙ

Парень что-то делает с машиной, и она перестает так оглушительно реветь.

— Павлик, — представляется он. — Спасибо, а то б я и сейчас загорал...

Лицо у него вроде ничего, симпатичное, ватушки проступают даже снегов бронзовый загар.

Трактор, рыча, уползает вниз, к Ягодному. Я почти бегом взбрался на сопку. От брусинки все красно под ногами. Жарко. Силою почти голый, изредка только розетки стланника да тонкие лиловые цветы.

На вершине порывов ветер, может, с самой Чукотки, упирается в грудь, почти валит с ног. Слегка кружится голова, спиной ощущаешь глубокий распадок, отвесно уходящий вниз.

А впереди, внизу, — Ягодное, один из красивейших поселков Кольмы. Солнце хлещет в зеленую долину и делает дома еще белее. Солнечная, ласковая Кольма. Такой я ее еще не знала.

— Эта планета обитаема! — кричу я и машу над головой испачканным в солзяре свитером. И крик мой катится по нагретой солнцем хребтинке: та-а-ам-а-а!

Драга поворачивает небо

Тягучий скрежет металла — и небо струится мимо нас. Огромная четырехугольная прорезь втягивает в себя ночные пространства. Там, у невидимых гор, уже холодно, пахнет дымом и хвоей лиственниц. В прорези, у высоких рычагов, — парень в маховой шапке. Тяжелые руки — на рычагах. Вгляд — на грохочущих черепках, уползающих в брозох дре-

ги. Он капитан, он целую смену поворачивает нею и землю.

— Вы с Владимиром Ефимичем-то виделись? — строго, но с оборотом спросил он. — Что Ефимич, что Колыма — одно...

Из-под кустика треугольников чернушки бровей — по-маленьким светлым, пристальным взгляд. Черные зрачки и брови, светлая гала и седая шевелюра. Владимир Ефимович Фейгин — директор приток «Бурхала», Фейгин посетили, а визит делать не изменился. Точно таким же взглядом проволжал москвич Володя по-прежнему хоск густей. Был — октябрь, сейчас в кузове полуторатора, но колесом он сидит, поворачивает иемин. Молодые мастера влезли из Навога в Оротукан — разрабатывать Колыму. Был Оротукан тридцать восьмого года. В Навогаской бухте уже траваго ветрами доскутанный ситевый городок, а по сторонам дороги мелкакали приземистые баракы да колонная проволочка.

Сразу по приезде Володю Фейгина выбрали комсомольским вожаком Южного горного управления. Тогда же ему рассказали о его предшественнице — Таве.

В Оротукане на центральной площадке к пашурному небу поднимались памятники. На нем тонкий девичий профиль. Татьяна Михайловна Малевиная, 1910—1937. По гладким граням стекают струйки дождя. У основания — букет северных цветов. Колыма помнит Таву.

Мать уверяла, когда Таве было восемь лет. Отец погиб еще раньше. Бабушка взяла к себе осиротевших детей, но прокормить трюнк не смогла. Таво, как самую старшую, отдал в Ленинградский детдом. Там она окончила школу и поступила в музыкальную техникуму: обнаружилась хорошая способность. Но Бабушка еще больше слабела, пришлось поменять фортепиано на фабричный конвейер. Развзтые эподами Чернышевцы отлично развили дуку. Через пару месяцев портрет светловосой веселой девчонки повисла на доске перодиков. С Ленинградской фабрики ТЭМЖ Тана перебралась в Москву, в химическую лабораторию большого завода. И тут: дельстрюно требуются для работы на Колыме

Юрий Рязово, рабочий приток «ЛД» заповка

инженеры, техники, горные мастера... Колыме нужны были специаля, а Тана освоела лишь оионация Колымы! Да ты с ума сошла! Там зима и бандиты». А Тана еще больше дала о промороженной, отравленной от людей земле. Однажды встретилась Таве письмо представителю Дельстрю: «Я уверено вас, товарищ, что на Колыме я буду полезна и найду себе место на этой большой территории». Письмо имело много сил и энергии, а главное — большое желание работать и быть полезной.

Стальной дельстровец не пропустил этого письма за десятками други. Через несколько дней Тано выезжали на беседу. У нее, девчонки, экзаменовали, знаменовали именами: ставляла протом. Тана — только была зазвела!

В тридцать четвертом году с периода «Саханск» спрягнула на комсомольском отделении Тана — красивая блондинка с легким комодничком в руках. Никто, конечно, не знал тогда, что ей суждено стать героиней Колымы, о которой будут рассказывать в школе и писать истории краев.

Сначала Тана работала топографом, потом лаборанткой в географической лаборатории Оротукана. Вечерами она собирала в тесноватом холломду клуба любителей петь и потанцевать — готовила самодельные дискотечки.

С Тавей я познакомилась весной тридцать пятого года — вспоминает ее подруга, геолог Е. Соколова, — когда она начала работать в петрографической лаборатории Оротукана. Она быстро набралась знаний по геологии... Мы жили втроем в одной комнате. Без конца шла, возила. К Таве я была очень близка и очень полюбилась ей. Таве было очень приятно делиться радостью, что просто так. Колычане ее очень любили. Иногда мы даже сидели на постоянных местах.

Весной тридцать шестого года Малединку выбрали комсомольским секретарем огромного края — Южного горнопромышленного управления. Верхом на лошади, без всяких провожатых Тана обвезала золотые притки, разбросанные на сотни километров друг от друга. И даже после тяжелой операции не отказалась от этих позадок. Откуда брались у нее силы, чтобы поднимать отставшие притки? Как звалось она и уважаемо даже среди матерых преступников-рецидивистов? Я взглянула в фотографии альбома, посвященного Таве Малевиной. Стройна, выразительна, с волосенной блузой с галстуком, темной юбкой и бареткой возглавляла колонну демонстрантов. На лонуне надпись: «Притк ударимся Оротукан!». Возмозно, это то самое место, где сейчас устроятся в набе гранитной обласи с тонким девичьим профилем. А вот Тана с топографом пробиралась по тайге. Тонцует на клубной сене. Бежит в лыжной эстафете. Обвизата колени ружья, заворачивает смотрит в море. Притывает на санях, на санном жюном крыльце — по виду ужасно городская девчонка, с теплым следом а ширики глазах.

Велико же было душевное обвание этой девчонки, если назвать о ней не притк и червьер века спустя после ее гибели.

Я вижу, как, завернувшись в полубухом, она прыгает в попунный грузюнок, не глядясь в небрютос. Дид подорожа сразу впереху, а выку, как провалывался а сугробах, она пробиралась к низкому барыку

и входит в настороженную полутьму. С нар сморцат десятки назывных, злыи, иронических глаз. Она не морщится, выслушав напор этик взглядов, и через сорок минут вытредит барак обоего режима на срочную разгрузку леса. Я вижу, как, насплошь выслушав, она направляет Оротукану и срывает у дороги первый бледный цвоток. А в двух шагах позадид идет человек, давно и настоячно влюбленный в нее. Он не смеет, никогда: дежурство в интернате.

Тана мечтала о комсомольском притске с той же страстностью, с какой читала романы: музыка. Когда нечаялся подготовка к стахановскому марту, она выехала на притск «Пятилетки», проработала там больше месяца и организовала комсомольский уацеток. На несколько дней Тана вырвалась в Оротуканские механические мастерские — «вызбить» нужные инструменты. Она должна была вернуться 4 марта. Но не вернулась.

В черной рамке приказ по Южному горнопромышленному управлению от 13 февраля 1937 года о марте в злотойский दौर поглабы секретарь комсомольской организации, пионер освоения Колымыского края, один из лучших общественников — Татьяна Малевиная.

Пять дней над замерзшими камнями притки везли траурные флаги. Комсомольцы «Пятилетки» и «ЮбВЛК», «Средняки» и «Итачаного» кланис отомстить убийцам, кланисля работать так, чтобы стать достойными памяти Тани. Колыма любива своего белокурого секретаря. Имением Тавы называлась одна из лаводы клуб в Оротукане, ее фотографии бережно хранятся в Магаданском краеведческом музее, художники по-прежнему делают портреты.

В тот вечер на притске «Бурхала» а впервые узнала о Таве Малевиной, о том, как трудно жила тогдашняя Колыма.

Тана я все заглянула за окошко — требовал Фейгин: — Вот эти дома видите! А детский сад, а гаражи! Ведь один же барак были. А драга калов! Это лан не притие там... Прощай, Фейгин просил передать приветы москвичкам: тому-то и тому-то, и еще обязательно вот этому, если, разумеется, встречу. Были среди названных известной режиссер театра, художник, драматург Владимир Ефимович ничего не казал об истории знакомства с этими людьми. Думаю, что когда-то я помог им выжить.

Хатынка «Долная берег»

Нет, пожалуй, на Колыме более красивое место. Мостики над прозраничными реками, шелковистые земляничные заросли, ольховые кюльчи, осенний пожег соснок и рыбаки в болотных салагох, вышкагвощие по стреминике с удочками: в ледяных струях играт харью. Большой Хатынка, иронич притка «Малевиная» отделяет трудный и богатый уацеток. Отсюда до Магадана километров восемьдесят пятьдесят, а может, и весь тысяча. На злотых притках — в кюльчии, молодая оленка выгала на лесу с оленником и ела с руки хлеб. А еще чуть подальше, на озере, целевые выходы уток. Есть и Медведки и Большая Малков заре, вроде бурдундуков.

Хатынка — молодойный поселок, а одну улочу. Всего двенадцать, аккураторов, есть же крадиных, а мли крылечками. Хатынкаку четвертый. Это новая Колыма — не

сравнить с черными барачными поселками, что млеяют есть по старому. Вот Хатынка, поселок.

— Колыма восемь лет здесь построяется, — объяснял мне Александр Филипович Рогожин, начальник уацетка Бурхала.

Рогожин — бывший летчик-штурман. Чтото-от этой смелой профессии навсегда остался в суахотно красивом месте. На Колыме он написал несколько книг, которые сейчас рассылает себе нервы: народ бывает хороший. Но тон у него всегда спокойный, и в обмолвении с людьми он так же добродушен, как и в работе.

По утрам поселок уезжает на работу. До злотых полигонов километров шест. Небо пронизительно синеве, земля красная, желтая, зеленая. Август, сентябрь — уже осень. Чудная погода, нет дождя. Когда нет дождя, плохо. Млеют рудник, промышленным прибором нечуют пыли. И люди с доской глядят на безоблачное небо. Может, встаки попадет Но о иногда покражет минут пять — и снова светло. Хорошее здесь место, на Хатынкае, черт его знает. Это же, правда, так!

Огромный полигон, как долине рещиленного золота. Только چه долине светло не видно — случись золотосносный павсок.

— Пески! А вот они — Александр Филипович поднимает кусок гранита, — Наш Хатынка таков, видите, стоим на сплошной скале.

Эта гранитная гора называется мягко — тучуе — елесик. А Пеские руды в лютые зимние морозы, ракут так, что со всех окрестных сосок съезжают белые покровы. И они гудят, и покатываются, и синеватый пыла надуи все рвет и рвет. Дышат на ладон, хлопают валенками, туи пробелевшие щени и рвет. Когда прикончатся все работы, выйдут разворонченные скалы в Бункера промывочных прибором. Иногда глыбы шлохом ую велики, и на полигон выхлудит альконные тракторы. Уацеток отцементации, напоминающая Царь-пушку. Это рыхлитель. Начинается бой. Надрывно режут тракторы, скрежещет железо. Хатынкае нехотоко поддается. За это и зовут этот уацеток тяжелым, очень тяжелым.

В мае пятдесят восьмого года бульдозеров и трактор «хозяинок» с металлосными самими для грузов дмундуют от Эмтега сквозь весеннюю распутицу на новый злотой уацеток. Тракторы ползли к неведомому предке платку земли, затевравшись медкой, давая колесам.

Лет двадцать назад в истощивших рудниках, на активированных полигонах, а еще болше — в тинках кабинеты, заводские цеха, конструкторские бюро — творения затуванка злотой Колымы. Нашлись специалисты, которые с пенной у рта стали утверждать, что Колыма свое стратабула, золото вычерпано не смисл дате строить. Злотая планета покотилась к закату, планета не такая уж маленькая: свободно выстит Испанию, Африку. Англичане вот поди же попынтесь к закату!

С большим трудом спасли геологи честь Колымы, доказали, что необходимо планирование, широкое ее исследование. Первые же серьезные поенки дали отпунные результаты: Колыма открыла новые класы. Среди них были и Большая Хатынка.

Отряд мужчин на шести бульдозерах и оиде тракторе начал разрабатывать Долную берег. С ними была одна женщина. Малевиная, с болшущими глазами, не то воспринимательная, как у мужчин, но с крадиными стогова. Когда форсировали реку, водител хэлозинок просил:

— Слушай, Ленка, лезь на хму, тут гарантирую от несморка.

Она как и сидела на ярдах трактора, закутываясь в духа теплой шелью. А за паузой то урал колтенок: все веселе, да и мышей пригнут, если будет. Странно было Лену и тосковать: один. Но что поделешь! Муж жал, стал драться. Не выдержала, ушла в чем была. А тут подоспел этот новый устакон. Она согрелась — чего-то да и ступила она умела. Вокруг шумела вода, ревели, чадли тракторы, захлопывались болотам.

Потом ставили палатки, мылись в ледном ручье, а Лена соорудила первый обвод. Тогда же стало ясно, что на всю овраг не готовишься. Всприн ей в зыблю живуюцу бочку, и встала Лена пекарем. Тогда работам хлеб. Получался он такой удачный, что геологи из дальней партии приехали за хлебом и нег. Зарплата продукты Лену розала с Крестинского, парником через озера, километров двадцать пять. Ездила она на старом овраг по имени Амур. Сейчас Амур как музейный экспонат. Блистачей, безмятежий, он разгуливает по поселку, стоит под оконами знакомых, заглядывает к Лене Штактовой в столовую, о чьей дурачке на приезде — долго и лениво. Делать ему ничего, его заменили машины. Кроме Амура, пожалуй, ничего не осталось от тех дней. Впрочем, еще покосившаяся небес, забущие и воспоминания о стуже, о загасившей последней свече, о простыне на стене, надойтой ветром, как парус.

За оном первый вечер на Хатынках. Репродуктор у него плавает «Осенний листопад Москваavorожья», будто про себя, будто в округе тихой парк, а не тайная заповедная ограда. А вечно оживленной кузне кунают ребенка. Женщина с растрепавшимися волосами, озобочено-счастливая, подкалывает в ванильную пеленку. Наготове с касторской — дюжий парень со снисходительным, кретиным лицом. Это отец маленькой Маринки, Юра, старший рабочий в 22-го комсомольского приборе. Первый человек, которого встретил на Хатынках. Он стоял, по-морски расставив ноги, поджав вилночку, под майной майчана грудью, и умело держал оторопылыми ладонями крохотный плавящийся конвентер. Сядилось солнце, тайга тонела в розовом мареве, завила вода о впадоу в близжайшей водоподной колонии. Он стоял, не то задумавшись, не то к чему-то прислушиваясь. Могучий парень с крохотным конвентером у его груди.

— Ушел из Иваново парням, — сам будто слегка удивился, рассказывал он потом, — а теперь ушла Людмила пале (Людмила пале — двадцать пять). На-на, подерни Маринку, закурю. Нет, ты ве под голову поддерживай, вот так... На Ти-

хому покочался три года, в Совганизе женился, потом сюда. А падать я люблю, иной раз я им пущее мамки — ей все некогда.

Сам Юра относится к тем людям, что делают все не спеша, уверенно. И укладывают очень многое и делают все хорошо.

Вечером в мужском общежитии арал я и грусть. С одной стороны — наглаголюются стрелки и извлекаются из немодных пуговицы пастельных тонов, с другой — для геолог Женского общежития нет. Девчат восемь четверо, замужние женщины не а счет мужа равняют, как мамы. А на одном Сиботе без малого тридцать ять хлопчаток. адели три назад прислали в столовую новую заправочным Валу — интересную, бойкую блондинку. Но на другой вечер по приезде уже увидели, как проглатывается она с Димкой Колесниченко. Он, можно сказать, первый парень Хатынках, все конкурентичи.

Дима невысокий, с русым волнистым чубом и поджатым лицом, еще хранищий отпечаток бурного бесприторного детства. В детстве это был типичный «возкаленик», юрков, вечно ускользающее наказание для милиции. Любитель вагонных подоконков, третий колесо, воздушных сканков и расквашенных пассажиров, забывающих о кошелках с едой.

Во время войны его забрали сдобольные люди из лагеря для детей, что немцы устроили под Винницей, иначе бы не выжили. Потом пришла мать умерла, а Димку отдали в детский дом. Тогда и началась бестесная вокзальная жизнь. Тощий, отчаянный мальчонка прямо-таки улетучивался из детского дома, куда его водворили. Прикрепился это только к полковой агитанте, где Димка твердо решил закончить семилетку. Летом он работал в поле, а зимой учился.

— Ну и маець! — говорил о нем председатель — земля под ним горит, что? Не давал бы тому буютерю устакон. Да нехай, способный хлопец!

Встает в кариане — только и выдали Димку. Снова мелкание стралок, запыленные подножки, знакомый свист ветра в тумбатуре. Знакомый Димка простор, но боитсясь все-таки надвое. Приехал Днепротерпек, долго стоял в парке на берегу Днепра, отщипнул веточку плавно отщепившей сирени. А потом прыжок с трамвая на асф. ходу (ой, парнишка упал!) перед первым ремсленным училищем. Оттуда он вышел с ятлам разрядом газосварщика, хорошими отметками за двенадцатилетнюю вечернюю школу и прекрасным обещанием мастера, что не носится ему лыхой головы. Возможно, предкавине мастера и сбылось бы, но тут подоспела армия. И к своему величайшему изумлению, Дима оказался отличным солдатом. Железная дисциплина, вынужденная

пунктуальность, усидчивая учеба — словом, все, что было в нем, в рамках, от чего его мучило всю жизнь, вдруг стало приятным и даже необходимым. Диму выбрали комсомольским секретарем батальона, а потом направили учиться дальше. И, быть может, шеголял бы сейчас колесничено в офицерских погонах, если бы не позвала его Колыма, да так часто и вавство, что он измозженно собрался и позвал. А ведь и знал-то о ней всего две странички из чужого письма.

На Колыму признают разные люди. Один за двести рублей, их довольно много. Другие — летунки, что игде не задерживаются подолгу, кружат по всей стране, и порой торопывые журналисты пытаются зацепиться за романчики и даже в герои. Но это не герои и не романтики, это слобовольные правдолюбцы, которые всю жизнь ищут, где бы комеша работать и побольше зарабатывать. И есть третья категория комлячи — твердые, честный народ. Срид них и горчие романтики, и те, кто просто честно выполняет свой долг, и забавешные Севером, что не в силах уже с ним расстаться. Руками эти людей подлата Колыма. Они признают сюда не гости — хозяевами.

Они тоже приехал хозяином. Он старший рабочий на том же комсомольском приборе, что и Юра, двадцать лет. Но если Юра быстро смонтирует какой-нибудь ответственный узел или что-то сварит, Рогожин посылает Диму.

Обязанность старшего рабочего — следить за тем, чтобы промышленный прибор добросовестно и быстро отдавал людям золото. Бульдозер на доже подкашивает жидкую грязь, канни и мелкую гальку. Подкаивающая чельность бунера подкашивает эту слезу и выплевывает ее порциями на ленту транспортера. Лента убегает вверх, туда, где грохочет железная дрытва. Бомка — скруббер. Из скруббера валуны и галька идут в отвал, а пулыла, запрягавшая золото, — шлозы, по-старому, колоды — тальцы устакон. На приборе работают юным коврикман-трафетартам и бесчисленными, словно на морском трапе, ступеньками. На эти коврикман и ступеньчатые вместе с таковыми ступеньками шихидками оседают золото. Драгоценный концентрат сливают зоро люк в железный контейнер, и трактор уловивает его и обогащает, частично приходясь считать то, то другое. Но все равно полностью загрузить голу невозможно. И Дима, подумав, стал студентом Московского заочного юридического института. Сейчас он уже на втором курсе.

Мне нравится Димино отношение к жизни.

— Ну вот ответить мне, журналист! — требую — он прерывает меня, не давая рабочим плав, а по кубкую промытых песков, а не золоту! Иной раз попадется устакон — обьемом сколько хочешь, а золота — пшени! А то чернор, бутылки — бутылки съездит — и дневная норма. Бывает, геологи ошиблись, зависили содержание золота в песках, а работа от этого страдает не только в Якутии. Скажи, почему не считать по кубкую? Или вот:

— Клубы наш, что строится, видела? Красивый! Так вот, считай, что нет клубов. Запрещено строительство, восстановление есть. Но поставили-то надо с умом принимать. А тут что получается? Жизнь у нас, ты видишь, средняя. А вот не имеем права. Выходит, что кино не имеем права смотреть, танцевать, в шахматы играть. Ребята потычуться туда-сюда да и вынуждены заблуждаться.

Однажды утром серая стелка дожда яла на поселок. Сопки закутаны в туман. Ландшапрован галька пологая, морозная, восточные ленты транспортеров. Дождь! Пай, Хатынхы, запуская дробный перестрой своих приборов! Это первый применимый дождь в лето. Дождь! Перестрой беззащитно разозлит, и кто его знает, вывернется ли обратно в Сусуам. В полдень поднимаются от земли клубы туманы, и с сопки Хатынхы можно полюбовная стране, плавящая в небре острим вершинам. Пай, Хатынхы! Мне не хочется уезжать. К вевру разразился град, навалился, не выдержав, и начал давить мешки. Поселок веселился, поглаывая на ратреставшее небо. Веселился, пока не перегорел свет. Тогда Юра Маловичкин, старший инженер, отключил отключил учебник английского языка и ушел на полигон, где размещается его электротехническое хозяйство.

Вот еще одна из приятной и элктрофизиологической. Первая книжка, которую я увидела на его столе, была «Конструкция мозга» Эриха. Англиский инженерик являл предположения, его читает на Большом Хатынхы.

— Нет, я в кибернетике еще слабый, — сокращается Юра — Вот Валуна Молочков из Владивостока — это да! И тут, будьте уверены, Юра при всей своей немногословности произнес панегрическую речь о Владивостоке: о Золотом Роге, о миссе Басаргина, о миссе Басаргина, о институте и то м, как свержает на рейде в праздничный вечер флот. Юра говорит в аспирантуру и одновременно в институт, а в институте — в техникуму или в вечернюю школу. Тяжелый поселок — отличное место для самообразования.

Вечером, невзрав на дождь, мужские стали обрывать рупорам, жестукирувать, совещаться, будто геологичкий разговор. Появились на свет давустики, мелкокалиберный, карбонный, записывающиеся приклады, аскадывались к плечу. Пересчитывались патроны в патроншаша, изымались из чуланов болотные сапоги. Приближалось великое таинство: записывающиеся приклады паравно олотинского сезона. А рыбаки уже вылезли из горных логово, попрытали до следующего года лески и искусственные мушки.

Так застает Хатынхы ночь. Один — в работах о давно подлеченном утином выводе. Другой — за книжкой английского языка. Третий — за парты в домно.

А дождь все лет и лет. Дорога раскиснет. Но мне не хочется уезжать...

Магадская область.

„ВСЕ ИДЕТ НА

Фото В. МИШИНА

Текст К. ДМИТРИЕВА

Горьковчанин Лев Ковалев впервые в танке (снимок сверху).

Танкодром — один из классов училища.

Помните старый, но до сих пор еще не сошедший с экранов фильм «Парень из нашего города»? Ну, конечно, помните. О танкисте, простом русском парне, героически воевавшем в Испании. Он вернулся со славы на Родину и, когда на нашу страну напали фашисты, повел в бой своих товарищей, таких же замечательных ребят, как и он сам.

А вот Георгий Силезнев не вернулся из-под Мадрида. Но когда слушавшь рассказы о подвигах первого героя Советского Союза среди танкистов, все время кажется, что он и есть парень из нашего города. Во всяком случае, курсанты роты имени Г. Силезнева в этом не сомневаются.

Все они горьковчане и вчера еще работали на заводах родного города. Но вот в один и тот же день и час у них произошла встреча с человеком, встреча, перекрившая заново всю их жизнь.

В Горький приехал полковник в отставке А. С. Бельгин. Он приехал, чтобы встретиться с молодежью, рассказать ей о Ташкентском танковом ордена Ле-

нина училище имени дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко. Именно тогда и услышали впервые ребята с Горьковского автозавода наладчик Александр Кузин, слесарь Валерий Винокуров и их товарищи о своем земляке Георгии Силезневе, окончившем это училище, которое, кстати, родилось сорок пять лет назад здесь, в Горьком, тогда еще Нижнем Новгороде.

Старожилы хорошо помнят, как строители автозавода помогали сооружать классы бронетанковой школы, а курсанты, в свою очередь, работали на строительстве автомобильного гиганта. Горьковчане закладывали первые камни в здание училища, горьковчане посылали в него на боевую службу лучших своих сыновей, среди которых был и Георгий Силезнев.

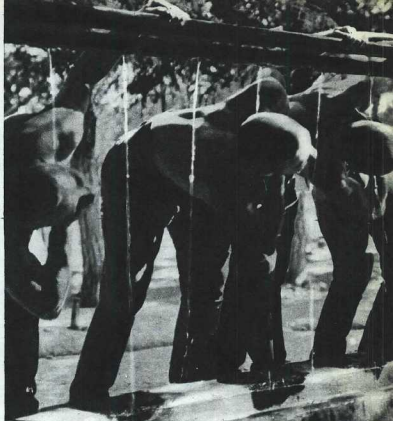
Могло ли все это оставить равнодушными горьковских комсомольцев? Конечно, как не им, дано возро-

Какая выпускников!

ОРМАЛЬНО.."

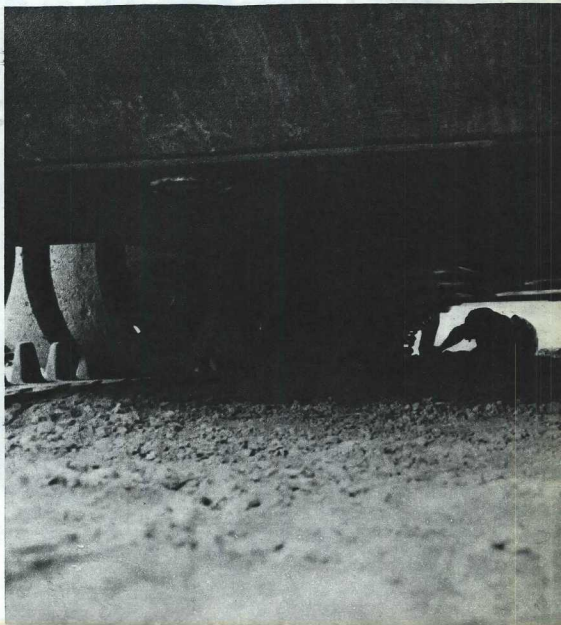
Так начинается утро...

дять и упрочить славные традиции дружбы родного города со своим детищем! Пусть училище находитесь сейчас в далеком Узбекистане, разве забудется, что жизнь его началась на берегах Волги!

В роту имени Г. Сказнева пришло письмо.

На первых порах даже троим вместе нелегко разобраться в двигателе. Но придет время, и они будут звать его назубок.

И вот вскоре после той памятной встречи десятки добровольцев по комсомольским путевкам отправились в дальнюю дорогу. Так они стали курсантами роты имени парня из их города.

Осматриваться на новом месте было некогда. Добровольцы, что назывались, с ходу включились в разную, по-своему напряженную жизнь училища. Их предупредили:

— Если хотите быстрее и

лучше овладеть современной техникой, приучите себя ухаживать за машиной, беречь ее. Бойкий Саша Кузин тут же заключил:

— Работа, конечно, грязная, но раз надо, значит, надо!

И курсанты с упорством принялись отчищать и отмыывать пропыленные танки.

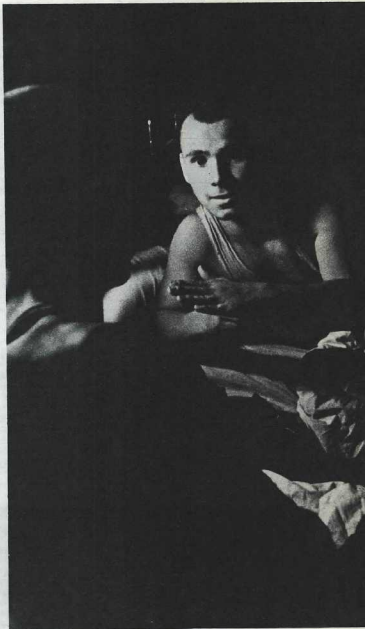
Каждый из горьковчан хорошо понимал, что нужно много и настойчиво трудиться. Ну что ж, они были готовы к этому. А Валерий Винокуров высказался вполне определенно:

— Многие из нас ожидали, что будет гораздо тяжелее. Но все идет нормально...

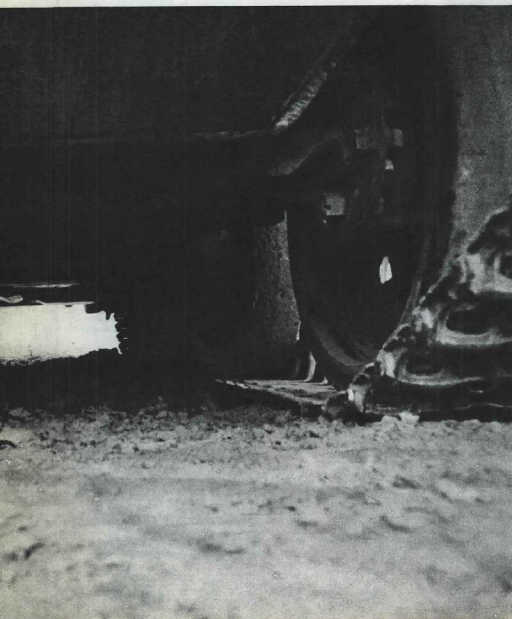
Современное танковое училище во многом отличается от того, в котором учился Георгий Склезов. Высшая математика, радиоэлектроника, физика... Сразу и не перечислишь все тех науки, которые должен знать офицер-танкист.

О жизни курсантов лучше всяких слов расскажут эти фотоснимки. Посмотрев их, вы убедитесь, что будущие офицеры упорно постигают основы воинского мастерства, успешно осваивают быстроходные, грозные машины.

Бывает, что человеку оказывают доверие, а он ложится на его плечи тяже-

— А помнишь?.. — Первые впечатления не дают заснуть Саше Кузину и его друзьям.

С первых же дней курсанты учатся ухаживать за машиной, беречь ее. Ремонт сушецам — работа, конечно, не легкая, но раз надо, значит, надо...

лым грузом. У горьковчан же «все идет нормально». Недавно они получили письмо от семьи Г. Склезова: «...Гордитесь тем, что вы, горьковчане, учитесь в той роте, где воспитывался первый герой-танкист, ваш земляк Склезов. Умножьте его славу своими отличными делами... Высоко держите честь курсанта, будущего офицера-танкиста, верного боевым традициям старшего поколения».

Об этом же говорилось и на одном из вечеров, когда волжане встретились с молодыми офицерами-выпускниками «склезовской» роты.

— Вы уже не новички, а хозяева в роте,— сказали выпускники своим землякам.— С честью храните традиции, которые мы вам передаем. Все двенадцать кубков, учрежденных в училище, были у нас. Нашей роте принадлежало первенство во всем: в учении, спорте и художественной самодеятельности. Берегите полученное наследство и помните наш наказ: свято хранить традицию «склезовцев» — быть всегда и во всем впереди!

Пари на города Горького верны этим традициям. Их теперь тоже зовут «склезовцами».

Сибиряк в Хельсинки

Виктору ИЛЬИНУ

На корабль к себе, в район портовых,
На спешу, в вечерний поздний час
Он идет по городу, который
Непринчливо выглядит для глаз:
Как-то здесь уныло малоواتо,
Улицы замедленно движутся...
Наши унылосятся ребята:
«Как в тайге, ребята, тышина!»
Толчея. Ни песни, ни крика.
И стоит уныло по углам
Девочки сомнительного шикса.
Только что сошедшие с реклам.
По проспекту пыльные шалят,
Стрижены, пыльные подкат,
Калашин в автобусы шалят,
«Убейтесь к черту!» говорят.
Но когда идет он, слыша шажки
Шаг друзей, родные имена,

На него старательно не глядя,
Может расступиться шагав.
Может, он отчаянно молчалив
С минимкой: я всех выдал в гробу,
Может быть, он смотрит туша тушей:
Мол, не подходите — замбу! —
Ничего подобного, не вертел!
В самом детстве, в длительном году,
Видел он войну — огни да смерти,
Да беду — жимлы да лебеду.
Снаст ошесточенного металла,
Самолета вышло мико...
После по стране его мотало
От родного дома вдалеке.
Люди не чулки. Пос-Сибирь.
Рос на трудовые он рубили —
Ноги искорили пол-Сибирь,
Руби пол-Сибирь воззвали!
Не к тому пишу я, земду прочим,

Чтоб кого-то этим упренить
И его достоинством рабочим
Зарубиных милоческих колунтья —
Просто говорю, ни с кем не споря:
Как силен он [силою труда],
Как он добр [он выдал столько горля],
Как он прав [он странт города],
Освещен неоновым сияньем,
Он идет вдоль вышпихив парней,
С этим объяснимым объёмом
Мимо их ухмылок и кляний.
Он идет без всякого героизма,
Улыбаесь катцандо огню,
Вглядом перевернувшая просто
Антифестивальную возню.
Дует ветер с Финского залива,
Вся сияет «брузис» во агла.
На земле лишь то и справедливо,
Что олео по сердцу на земле.

Олег ДМИТРИВ

Твоя бессонница

Дом твой ломится от добра,
Но в халате ночью сидит
Ты опять не спишь до утра,
А, изаполь ба, уж пора
Поприимать, перебесить.
Спят карты и спят коверы,
И торшер, наклоняя к кровати,
Убеждает: — Будьте добры!
Все в порядке — спите давайте...
А ведь счастья не замечаю:
Ты спурта таного мужа,
Симпатичных мальчишек мать
И хозяйка всею и тоу же.
Муж известен по всей стране —
Как замидуют все чертосны...
Он ворочается во сне
И вздыхает по-стариковски...
Ты ровесница! Ой, бага!
Друг мой, спорница Боева,
Наши праздничные года
Пролетают, не задевая...
Но врывается нарпером
В твою камнату ветер резной;
Это молодость бьет крылом
О тмелые занавески.
И встает над тобой вьетмах,
Как луна над болотной тьмой,
Плеч моет молодых размах,
Точно юность, неукротимый!
Встань, не пряча твои шаги,
Крепкий сон его потрвожа,
Пальцы тонкие обоню
О мою золотую коку!
Поднимаешься ты, дружок,
И смеешься над стариками
И обаячивость миража
Ловишь яростными руками!
Не спелая, как металл,
Белоснежная, дорогая,
Замыкает тебя постелью...
Ты ложишься, изнемогая,
И во сне ты увидишь, как
Твой ровесник ювет на свете —
Цицлопический дерзкий шаг
По зеленым, как ма, планетам!
Дом шатается от весны,
Грохот утра ловушки возглас,
И еще сбиваются сны
В романтический этот возраст!

Ингурииская тропа

Шла дорога сквозь века
В старину,
Полотра грузозина
В интури,
Лезла, словно альпинист,
В облака,
А потом наткалась вниз,
Где река,
Поворот — и резной спуск,
Скрип колес.
Наш водитель держит курс
Под откос.
А водитель-то у нас —
Экстра-класс!
Он приехал на Кавказ
В первый раз.
То по полям, то он летел —
Не полет,
И барану он вертел,
Как котлет!
Говорит она: «Нос утру
Я всем вам,
Трупом буду, а к утру
Ваша там!»
Мы сидели, не дыша...
— Посмотри,
В полтора карандаша
Интури.

Вот не видно ни реки,
Ни тропы...
Наши спальные мешки,
Как гробы...
В них не было красивым снам
В этот раз...
Вдурт водитель лезет к нам,
Видит нас.
Тело шипит: «Я не бог...
Как с дьялом...
Ну, вались на левый борт,
Курт возьми!
Полдела на небеса —
Ну, дьял...
Ни на четверть колеса —
До светля!»

Все мы вскрикивая враз,
Трем глаза,
Видим: наш веселый «ГАЗ»
Дал юза,
И застыло на краю
Колесо.
И негромко я пою
«Султон»...
Силоя солмышно встает —
Нам пора...
Наш водитель достает
Аппарат
И выводит, не спеша,
«Зорный-Э»
В полтора карандаша
Интури...

После вылет пот со лба —
Взмок платон...
И сказал он нам: «Судьба...
Как вышло!
Дует ветер с Финского залива,
В бешесте дни!
А могла нам быть труба,
Ребята...»
Поворот — и резной спуск,
Скрип колес.
Наш водитель держит курс
Под откос.
Полтора грузозина
В интури,
Шла дорога сквозь века
В старину...

В биллиардной

Как мы мамка, не говори!
До того играли азартно,
Что, как малыше пугари,
Косо сначут шары выкатно.
Машем ином неуголмо,
В лузы целся, мы, протокан...
Но презрительно ходит мимо
И чулкино и скарлово.
Все рано не уйдю, не сбегу!
Путь трещает драгоценные доски —
Я сегодня представит шару,
Как играя в биллиард Маяковский!
Разомнешию, как от шары,
Убегающие, как мышы,
Получаю алгоново шары
Первозданно упругие мышцы!

Как красные они и легки
В том расчитанном, плавном полете
По закону знакомый руке,
Уважительно точность в работе!
Сначут в лузы они, точно ядра,
Резной свет различая вокруг...
От зеленой тоски биллиарда
И следа не останет азарту.
И, конечно же, в слове поэта
Есть спокойная красота
С упрямительностью дуплета
В середине — об два борта!
С убедительностью прямого —
Без ошибки на миллиметр!
В клубе сизого дыма снова
Улыбаются великий мэтр.

Мы недаром, совсем недаром
За спиною его стоим
С неокрепшими еще ударом,
С тонким голосом, со слезам.
Мы готовимся в макстан,
И в любов из нас неумело
Вдурт сверкает упругость руки,
Точность слова и глазомера.
Мы горим над бумагой белой,
А когда кончат устаем,
То рукою еще несмелой
По загадочным лузам бьем.
И замечивается с нас густо
Незаметное до поры
Понимание, как искусство,
Жизни, творчества и игры!

Русская природа

Русская природа добродетельна.
Выйдя за Москву,
Отдохните у любого дерева —
На пеньку, во муху.
Солнце через листья просветается —
Теплая капель.
А в уставшем сердце просыпается
Март или апрель.
Забываясь в долгом изумлении:
Как ты молодое,
О природо, — наше исцеление,
Долгие года.
Земляным рынком накарпаним,
Паутинок дрожь...
Всю себя, не жалуюсь, до капельки
Нам ты отдашь.

Гасит шипчик зрело фонарик,
Умыра, лес.
Людьми очень нужно строить фабрики,
Города и ГЭС.
Голубым туманом освещать
Встанут коруся,
Люди умрут за отечество
Тоже, как лес!
Сколько же ты, мать-природа русская,
Выдела смереть!
Люди, как дубы, на земле руются
Тоже для людей.
Одного мы, видно, роду-племени,
Сколько судьбы!
Надо —
Умыраем промжда врагони,
Жертвуя собой.

а десятки километров раскиснувшие наши стройки. Не час и не два нужно потратить, чтобы добраться от «АНОФ-2» до Раздолья, на день и не дадут — только в выходные. Придется гнуть во все голицы. Более серьезные типы человек, из которых каждый плач комсомольцев званты ослики: добрые люди, перефразируя известную с виду камню. У него тушины, бело-серый камень, легко крошится край. У этого камня есть точное научное название — «алюминий-нефелиновый руды». У этого камня есть и другие названия — «камень плодородия», «хлебный камень». И они точны: да, «камень плодородия», да, «хлебный камень». Но этот камень, еще и проб...

Без проблем не бывает стройки. Много и у нас не решенных еще проблем. Но сегодня хочется отозваться в сторону города: устраиваясь на работу на «АНОФ-2», сигналы комсомольских постов и план работы штаба на ближайшие десять дней. Мне хочется поделиться с вами о судьбе человека на такой стройке, как наша. О том, как воспитывается в нем и крепнет чувство хозяина. О том, как живуче есть индивидуальность гостя. Рассказываю о нашей стройке. И был среди слушателей один из тех, кому известно все, кроме самоний в собственной непопулярности.

— Э, брось! — сказал он с усмешкой. — Знаешь, зачем люди едут на Север. И что там их держит, тоже знаю. Дело неохотное — длинный рубль...

Длинный рубль... Да, у нас зарабатывают неплохо. Но вот приходит в штаб брига по сумасным лицам и придирается к каждому слову и делу. Кто они? Есть — не выдержали, потянули домой, слабы оказались для Севера, но большинство равны, конечно, понимают, что здесь, по сравнению их выражением, «на свете...»

Что человека держит у нас в Заполярье, где рано одеваются светлые свитера, где в сумерки, где в день короткое и бесконечно длинное выключение ночей.

Откровенно говоря, я не очень-то люблю сам этот вопрос. Особенно помню, когда работал мастером на строительстве железнодорожной ветки, по которой сейчас идет руда на первые обогатительные фабрики. Да и сейчас работа на комсомольской работе не придавал большого значения. Ну, приехали и приехали: романтики, патриоты, живут и живут, работают и работают; работа основана на понимании, душа в курс, стало выплывать: все, конечно, романтики, но почему один сам приходит в горном, в комитет, а в штаб не собирается работать, спорит, а других — тоже в романтики — на комсомольское обучение чуть ли не армяном приходится тащить! И как тут расширять актив, с чем идти к ребятам?

Насколько, например, разговаривать о воскреснике по озеленению или, скажем, по сооружению кейп-больной бассейновой площадки? Это же надо, ну, само же здесь летом мал будам гонять! Или об участии в народной дружбе?

Таб, что же, приятно, когда к твоей девушке пристает каная-никуда гаяния образина?

Но вот ряд по проверке неустойчивого оборудования. С одной стороны вроде все исправно, а другая делается, делается для нас. В конечном итоге. Но сказать так — значит не сказать почти ничего. Так не что же, как говорится, «быть»?

Вот тогда-то и астам по-настоящему эти вопросы. Найти правильные на них ответы — значит определить, как строить свою работу. Оказываешь, не такие уж и праздные эти вопросы, потому что привело сюда ребят и девушек, что держит их здесь. По-видимому, каждый комсомольский рабочий на стройке сталкивался с ними, и каждый их как-то да себя решал.

Я вспоминаю судьбы друзей, товарищей по работе. Вот ребята из нашей бригады — товарища компрессора Иван Хаустов, горный инженер Жена Кушнур, механик «АНОФ-2» Слава Бажин. На всю жизнь мне за-

ли — заслани, мол, черт знает куда, теперь поняли: без нас, без работы нашей — никак.

Но только для Ивана Хаустова, но для меня даже этот был применительным. Может быть, именно тогда я впервые на деле, а не по лекциям и учебникам понял громадную ответственность не только за результаты работы, но и за судьбы людей, что «под мои началом».

Что человек держит? Что хотел он чаша у нас и кем порой не изаша? Надо сказать, кадровая проблема стоит у нас очень остро, текущие боляшки. Решено было, что ни один комсомолец не может уволить-

Владислав БОРИСОВ

ХУЗЯНА ГЛАГОЛ

поминился давний осенний день, когда я, молодой и зеленый специалист, получил первый заказ.

— Ты работаешь в Березовке, где под фабрику колят котлован, разышешь клопов? — сказал мне начальник строительного-монтажного подразделения. — Ты работаешь в Березовке, где под фабрику колят котлован, разышешь клопов? — сказал мне начальник строительного-монтажного подразделения. — Ты работаешь в Березовке, где под фабрику колят котлован, разышешь клопов? — сказал мне начальник строительного-монтажного подразделения.

Ребята я разяскал в конце просевы. На зыблю, покорял жеманным листам, был разломан Березовский скелен вокруг него мои будущие подчиненные, грелись. За паревальком горбинислоси спок, урчал бульдозер. Я поодиноку, назавис. Обернулся.

— Ты мастер! — переспросил корестный паренек, недоверливо меня рассматривая.

— Мастер...
— И институт окончил?
— Конечно.

— Глады-ка, ребята, мастера пришли! Кончай перекуривать, айда...

— А мы уж и не знаем, что делать. Думаем, может, зыбли про нас, может, и ни к чему здесь наша работа...

Так состоялось мое знакомство с Иваном Хаустовым, приехавшим в Кировск по путевке Белгородской комсомольской организации. Позже он мне рассказывал:

— Ехали, представляли: краны, башни, арматура всякая, все кипит. Вышли на работу — пусто, лесок да топоры в руках. Давай, дескать, отсюда доска, а как, что, зачем? Так и работало: больше у кустра не recurивали. Только когда глянпаны увидели, взялись по-настоящему...

В судьбе каждого человека есть несколько узловых, переломных моментов. Для Ивана Хаустова и многих его товарищей одним из таких моментов были внешне непримечательный эпизод: пришла мастер, разварила потерявшую синюгу генеральную плена и повалаз: здесь — рудник, здесь — фабрика, а мы сейчас тут лат. Березовский перевалок, широкий просек — то, что представлялось ребятам задорными огромной стройкой, оказалось ядром в ряду важнейших объектов чужд ли не самым важным. И если раньше ворва-

ся со стройки без разрешения комитета или штаба. Это не пустая формальность. Бывает, раскрывается в талом вот атропальном разговоре не заслуженная обидка, которую нанесли нечаянно, неурядица, в которой можно помочь. И всякий раз после такого разговора душаешь: почему тут уезжал, а что остался? Что держит одного и не держит другого?

Как-то в разговоре с одним лутуном я упомянул Ивана Хаустова. И услышал:

— Ну, ем-уто что здесь не работать! Герой труда!

Верно, к тому времени Иван стал на стройке известным человеком. Он работал помощником заварника на карьере в самое горячее время, потом овладел специальностями компрессорщика и экскаваторщика и перешел на «АНОФ-2» в трудный производственный период. Да, знали и любили его на стройке. Может быть, и верно, слова человека держат!

Но прошло некоторых время, и пришла в Иван со стройки. Позже узнал я — пришли к нему и сказали:

— Ты же заварник, опыт у тебя есть, выучай.

И «мгнута». Хаустов равть солил, приехал в Иван со стройки. Позже узнал я — пришли к нему и сказали: — Ты же заварник, опыт у тебя есть, выучай.

— Душа неуговинная, без тебя бы не обогнулись!

Дел, по-видимому, и этого-то дело. Дел, по-видимому, и этого-то дело. Дел, по-видимому, и этого-то дело.

Я мог бы рассказывать о многих ребятах и девушках, которых узнал, с которыми сдружился за неполные лет работы в Заполярье. Я останавливаюсь подробно на судьбе Ивана Хаустова потому, что его биография, этап его поиска «места под солнцем» кажется мне наиболее характерным, наиболее типичным для многих настоящих людей, приеха-

ших к нам по комсомольской путевке. Но все же мне хочется подтвердить свою мысль еще двумя примерами.

Юру Чернова «распределили» после окончания института в один из южных городов, на завод, где инженерно-технических работников было в общем-то достаточно и без него. Была обязательна служба, приличный вклад жалования. Не было одного — ощущения собственной необходимости. И он уехал. К нам, в Кировск. Теперь он не один уже работает в отделе снабжения, активно участвует в комсомольском проектировании.

ЗАМЕТКИ НАЧАЛЬНИКА КОМСОМОЛЬСКОГО ШТАБА

Николай Комаров приехал вовсе не по своей воле. Оно вагоны было забрано железной решеткой, и у входа сидели комсомолы. Ментал Николай: кончился срок (судили его за хулиганство) — и прочь отсюда... И вот кончился срок, нет замков, нет комсомолов. Всего лишь между зданиями Николай на Кировском руднике — подзаработать, чтобы приехать домой не с пустыми руками, и... Много лет прошло — не уехал Николай. В институте — этот наш земляк человек, который помог понять: ты, Николай, нужен здесь, без тебя не обогудится. И больше того: когда тут пришлось мастеру, молодому инженеру Жене Кушнур, подошла к нему производчик Комаров.

— Ты, Жена, перебирайся в мою комитату. Жена, ребенок — это такое дело... В общем, мина, пова не дадут. А я уж как-нибудь устроюсь.

Да, начинается, как правило, с романтики. Начинается с путяи райкома и поезда дальнего следования. Потом приходит ощущение собственной ответственности, своего участия, очень важно поддержать в человеке рождающееся чувство зыбли и на стройки, рудника, города. А если не получается, то человек теряет собственную силу, собственную значимость, быстро облетают абстрактные романтические идеалы, и уезжает паренек, а если и остается все же, то гость он, и только.

«Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше», — говорится в пословице. Рыба — может быть, насчет человека — не уверен. «Где глубже» — да. Мне вспоминается слова одного нашего строителя, сказанные так, между прочим:

— Пришел инструктор какой-то, начал расспышивать, как мы будем жить, если поведем сюда — это реки здесь молочные, берега кисельные. Золотые горы! Да разве ж это обещасть нужно!

Может быть, именно тогда я впервые серьезно задумался: а правильно ли мы делаем, когда стараемся «бить» только на личную выгоду, которую принесет лично или девушке участие в воскреснике по озеленению или в оперативном страде!

Слов нет, это, конечно, нужно — подчеркнуть личную заинтересованность в том или ином мероприятии. Но это то главное направление! Не хочется ли нам познакомиться и привлечь человека к общественной работе с такими вот общими-молочными рек и иксевыми беретами?

Однажды после заседания штаба я спросил Каутова:

— Ты работаешь на фабрике компрессорной. А почему ты, собственно, поднял вопрос о положении с монтажом дробилки?

— Глаза-то у меня есть или нет? Иду, вижу: противно смотреть на такую работу, гадко, видно, за нее ни у кого не болит.

Вот то хорошее беспокойство за народное добро, которое отличает хозяина от гостя. Хозяина стройки, города, города шире — хозяина страны.

Откровенно говоря, мне иногда очень приятно вспомнить, что не без участия штаба, не без моего личного участия Иван Каутов, парнишка с типичной для наших поколений географией, стал хозяином стройки. Когда мы отмахивались в первый раз, когда он пришел и возмущается:

«Что это за работа, когда мой атлет по полдень простояет!»

Что мы приняли меры, когда он появился в другой раз с претензиями к работе бригады с соседнего участка. В третий, в четвертый. Да, я испытываю глубокое удовлетворение, когда на заседании штаба коротко и деловито отчитываются начальники комсомольских постов, бригад «Прогресс», «Сделано... Сделано... Сделано...»

Но вместе с тем, когда парень не рвач, хороший, в общем-то, парень приносит в штаб заявление на расчет, когда где-то на участке сорвалась комсомольское собрание, а в другом месте чья-то бригада игнорирует брак, когда вдруг по винилопелюнице какой-то парень и девчушка со скулящими лицами, а знаю: наша вина, штаба, актива, моя лично. Значит, отмахнулись один раз, не дали ходу «хозяйским струнам» в другой раз, за стесучую прогулку в третий. Значит, без поддержки, пусть остались слова песни, которые звучат в походах дальних следователей на перроне станции Алентиты:

Дайте трудное дело,
Дайте дело такое...

...Незаречань камень плодородия. Но если когда-нибудь вы увидите дехонку, которая при встрече с подругой на родине своей и знакомит его из сумочки и с гордостью показывает знакомым, если камень этот парень везет в отпуске среди подруги домашней, а знаешь для этой девчушки и для этого парня незаречань камень с этого серым изломом гораздо больше, чем просто образцы алпато-неаральской флоры. Для него — пробный камень. Да, и не, это символ выдержанного знамени на гражданскую зрелость, на хозяина своей земли.

И вы когда-нибудь в ваш колхоз, на ваш завод или на вашу фабрику придет этанкий краснореч и начнет расписывать про золотые горы, молочные реки и кисельные берега, не верьте ему. Горы у нас черны, глубоки и холодны наши озера, долги позарные реки, скупо наше солнце. Но под низкими нашими солнцем есть много для прощания и счастья дело, которое для многих уже, для очень многих стало делом жизни и для многих еще стало.

Г. Кировск,
Мурманской области.

Борис Николаевич входит в класс, и сорок мальчишек и девчонок, поднимаясь за парты, улыбаются.

Ну-ка, голубчик Угольников — Борис Николаевич все влезает на каму и непременно го-лубчикам! — напомните, что было задано. Отлично, голубчик. А теперь попошу вас до-ске...

И спрашивает и объясняет Борис Николаевич артистично. Работа слушают, как говорится, разинув рты. Самые охотливые у него успевают. Все успевают: нельзя же огорчать ТАКОГО учителя!

Както Угольников, высокий и басовитый пересторок, пришел в школу пораньше. Придвинул к стене стол. На стол водрузил стул, на стул — книгу. И под потолком, чтобы никто не стер, развешивает на чертат цветным мелком: «Шибай-в-Соловьев».

И тут в класс вошел Борис Николаевич. Представляет, «по-первым», стена измазана Угольником, Шибай-в-... Это в седьмом классе! Да за такое сино минуту к директору! А Борис Николаевич только развал руками. — Голубчик Угольников! От вас-то не ожи-дай...

И сразу «голубчик» сник: побоялся мочить тряпку, до звонка оттирал стену.

Недавно пришел в школу новый физик, Сергей Иванович. Как будто все делал правильно, вел уроки по апробированным разработкам, а ребята его не слушали. Потухает свет в классе и хором: «Чуд-но, чуд-но, Угольников как-то спрята- за шкаф учительский топсупотный портфель. О «художестве» на уроках прощались Борис Николаевич. О чем говорил он с ребятами, какие нашел слова, осталось тайной, но безобразия прекратились. Однако сердечного контакта с классом у Сергея Ивановича так и не установи- лось. Навесело додумал учить год и со-всем бросил школу: устроился куда-то бухгалтером.

Вдумайтесь: два учителя, и такие разные судьбы. Представьте себе, что в школе — место учительской другой работу — розовой покажет: «Нет, без школы не смогу». А Сергей Иванович... Через несколько лет его бывшие питом- цы посетуют:

— Нам с физикой не повезло. Слабая подго- товка — учителя часто менялись, и попадались все какие-то...

Почему так случается? Вы скажете, все очень просто: у одного педагогический талант, у другого нет его. И рещет эсэн: не принимать в педагогию случайных людей, неспособных к педагогической работе. Но все это просто и ясно только на первый взгляд.

Мы сидим в комитете комсомола Киевского пединститута, тесно сдвинув стулья, и спорим. Мои оппоненты — студенты последнего курса: смугловатый крылыш Гриша Максименко, серьезный — тонкие черты лица и роговые очки — Волода Шпаловский, темпераментная Эльвир Васильевна. Они саво- рят: благодарное труда учителя нет ничего в целом свете. Верят не понаслышке. Максименко, работав, окончив педагогического училища, набрал в начальную школу. Потом ушел в армию. А лет пять назад на комсомольское собрание в этот самый киевский институт пришел сержант. Собственно, сержанта никто не приглашал. Но уж больно истосковался по любимой работе недавний учитель, Максименко. Он саво- сименко. Предъявляя комсомольский билет, попросил разрешения присутствовать. Жадно слушая каждое выступление; уходя, сказал:

— Прощай и вас учиться.

...Всёяя в призывной комиссии повстречался Максименко с Василием Дядюком: тот тоже сдавал документы. Разговорился. Василий работал педагогом. У него были сильные, грубые от части приспособления к железу руки, помятые плечи. Уже успел откулиться? Василий в сельскохозяйственному академии, но факультет механизации. Не прошел. Теперь пытает счастья в педагогическом.

— Надо куда-нибудь притронуться! — пояснил Дядю.

— Куда-нибудь! — переспросил Максименко, вездь добравшись, будто готовясь и саво, не сдержался и скупил сказал: — Но совету тебе сюда поступать.

Дядю поступил. Сидел на занятиях скучный, позавая. А через год перевелся в автодорож- ный.

— Не допускать в педагогию случайных — верно, конечно, — рекомендует астул Максименко — Но этого мало. Надо искать таких, у кого склонность к педагогическому труду.

И они ищут. Они — члены штаба комсомольского набора в Киевский пединститут. Работа рассказывает, как по путавкам штаба вдали в отдаленные районы республики, каких «крестников» привлекли в институт, как работали на консультационных пунктах, не считаясь со временем, до пугачок. Были и стонные галеты, агитирующие за институт, и выступления на молодеж- ных собраниях, и задушевные беседы с глазу на глаз, так сказать, «индивидуальный подход». Они рассказывают наперебой. Не только о хороших, но и о том, что тревожит, волнует, с чем они не согласны... А меня беспокоит прозаическая, в общем-то, мысль.

— Погордите, ребята, — говорю я. — Привлекать в институт способных, достойнейших — нужное, необходимое дело. Но как же все-таки угады- ваете вы педагогические таланты? Как rozpo- знаете будущих Ушинских! И что такое вообще хорошая учительница?

Учитель обязан по-настоящему знать, го- рючо любить свой предмет, — уверенно отвечает Волода.

Общаясь. Возразить трудно. Но тут я вспоми- наю Павла Павловича — еще одного учителя, с которым мне довелось работать в одной школе. Павел Павлович знал и любил свой предмет. Как завзятый шахматист считает потерянный день, если не сыграет в шахматы, не разберет интересной партии, так и Павел Павлович чувствовал себя плохо, коли не успевал почитать часок-другой из мудреной математической книги или головоломной задачки.

Он входил в десятку «А» и с порога, не взглянув на притихший класс, коротко вызывал:

— Бобков.

Коля Бобков не справился с последней контрольной.

Павел Павлович, встав к классу спиной, глядел в окно, и слышно было только поскрипывание мела о доску. Бобков мучился над примером... Вдруг, повернувшись, Павел Павлович отглядывал доску и молниеносно находил, где Бобков ошибся. Но не разглясил, не поправил, а, устиве глаза в журнал, размеренно выговаривал:

— Сядите, двойка. Больше следует мате- матики!

И следующий урок снова:

— Бобков.

Двойка! Больше следует математики за- ниматься!

Характерно, что того же Бобкова Павлович и в лицо-то не знал. Контрольную он одолев и представлял, доходящая, а се- конно, их в каждом классе по сороз, где уж тут упоминать!

Выходит, мало знать свой предмет: хороший математик и хороший учитель математики не одно и то же.

— Педагог не может быть равнодушным, никогда, ни к чему! — волнуется в споре Эльвир. — Он должен любить, уважать людей, быть... красивым. Во всем!

Тот же, в каждом не возражает. Но вот совсем недавно присутствовал я на уроке истории. Рядом с парты директор конспектировал урок урока.

Сидит, выслушивает, что вела занятия, слыла способ- ным специалистом по внеклассной работе: про- водила походы, организовала кукольный театр, танцевальный кружок.

А вот урок.

— Наш предки были язычниками! — одина-

ПОЧЕМУ УЧИТЕЛЬ УШЕЛ В БУХГАЛТЕРСКОЕ?

ПОТЕРЯННОЕ ЗВЕНО

ЧЕГО НЕ РАЗГЛАДЕЛ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ...

КАК ЖЕ НАЙТИ УШИНСКИХ?

НЕ ТОЛЬКО ИСКАТЬ— ВОСПИТЫВАТЬ НАДО!

ковыми паузами между словами произносит учительница:— Знаете, что такое язычник?

— Нет,— несется по классу.
— Язычник, они во все верят. Вот идет дождь,— кинок на окно,— они в него верят. По классу прокатывается смешок.

Вуюк, как пушными пятнами покрывается лицо директора. Он никак склоняется над конспектом, грозно поскрипывает перо его авторучки.

Потоу в учительской, выпирая украдкой слезы, вызванных, видимо, неприятным разговором с директором, преподавательница рассказывает мне, как работала воспитательницей в детском саду и как там все шло отлично. А вот окончила заочно исторический факультет, перешла в школу—одни неприятности. Отобрали у нее старшие классы, передали совместителю... А я думал: наверное, и ее проклини в хорошие учителя— активная, общительная, деловой любил. И ошиблись ты, кто проклини. Воспитательницей она действительно была неплохой. А вот любил к своему предмету, увлеченности им, то есть того, что составляет другую и не менее важную сторону профессии педагога, у этой преподавательницы и не было.

— Так как же, ребята, распознаете вы будущих Ушинских?
Ребята задумались. А задуматься действительно есть над чем.

Пришел абитуриент, допустим, в консерваторию. Ему предложили спеть. И сразу ясно, есть данные или нет. Ошибки быловот! Вероятно. Но все-таки редко.

А как узнать, есть ли у человека «педагогический дар»?

Года два назад в киевском институте в экзаменационную комиссию включили преподаватель педагогике и психологии. Они беседовали с поступающими, следили за их ответами, за манерой излагать мысли. И родился список абитуриентов, имевших, по мнению его составителей, «способность к педагогическому труду». Все, кто попал в этот список, зачислили в институт. И что же?

— Пока не выделяются они из общей массы студентов,— утверждает проректор.

— Ни один.
— Да, ни один.

Так в чем же дело? Неужели действительно невозможно разглядеть в человеке педагогические способности, пока он не поработает годик-другой в школе? Наверное, можно. Только очень трудно: ведь педагогическим даром не бьнешь перед экзаменационной комиссией, как хорошо поставленным голосом. И вообще не вступительными экзаменами в институт проверяется скорее знание школьных предметов, а не педагогические данные.

Вы скажете, что нельзя превратить приемные

экзамены в подрактику, во время которой можно было бы выявить способности абитуриентов. Да, можно. Но придет в голову школу, и вам надо будет старшеклассников с бесспорными педагогическими задатками.

Словесник из подмосковного города рассказывал:

— Есть у меня в десятом классе девушка, Оля Строилова. Поручаю ей проводить дополнительные занятия: сама попросила. Она у доски, а я сидю за последнюю парту и радуюсь и удивляюсь. Вот из кого учитель-то выйдет! Отличный.

А придет Оля в пединститут, и судьбу ее может решить случайно подобранный экзаменационный балл. И вернут Строилову документы, и только старей ее учитель подумает с горечью, что школа лишилась талантливого преподавателя.

А сколько таких ребят в наших школах! Они работают пионероюдами, возятся с октябристами, занимаются с отстающими. А если организовать их в кружок, где педагогическая теория в доступной для ребят форме сочеталась бы со школьной практикой, с живыми пионерскими делами! Вот тут-то и выкристаллизовались бы истинные «педагогические таланты», привалась вкус к учительскому труду. А какое широкое поле деятельности для комсомольских штабов! Не только ласково искать, но и воспитывать будущих педагогов.

И не целесообразно ли в таком случае представлять педагогическим советам школы право давать способным выпускникам направления в педагогический институт? Эти направления и будут тем недостающим звеном, которого не хватает на экзаменах при приеме в вуз. Абитуриенты, которых рекомендуют учительской коллектив, должны привлекаться в правах и тем, кто имеет производственный стаж.

Известно, как тщательно ищут сейчас одаренных математиков, физиков, химиков. Например, по инициативе сибирских ученых созданы специальные школы, в которых ребята изучают математику по особым программам, развивают свои способности, склонность к научной работе.

— Существуют ли подобные училища для подростков, проявивших интерес к педагогическому труду?— спросили мы в управлении школ Министерства просвещения РСФСР.

— Нет, не существуют,— ответили нам.

Это еще раз подтверждает, что выделением потенциальных педагогов и подготовки их к профессии учителя до вуза фактически никто не занимается.

Формально учителем может стать каждый сдавший соответствующее количество экзаменов и зачетов. Вес вопрос в том, каким будет этот учитель. Не перекалфицируется ли он в бухгалтер? А школа нужна только отличные педагоги. Потому что формирование молодого поколения зависит и от того, какие у этого поколения наставники.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция «Смены» читает, что вопросы, поднятые в статье «Случайный балл», требуют обстоятельного обсуждения.

Приглашаем учителей школ, преподавателей и студентов педагогических институтов, работников министерств просвещения и Академии педагогических наук высказать свою точку зрения по поднятым в статье вопросам.

Хорст ШУМАН,
первый секретарь
Центрального Совета
Союза свободной немецкой молодежи

Вот уже несколько месяцев по всей Германской Демократической Республике проводятся широкие обсуждения двух документов, имеющего огромное, непреходящее значение для нашей молодежи и всего народа.

Это — комиссия Политбюро Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии от 21 сентября 1963 года о молодежных проблемах и проект «Закона об участии молодежи в борьбе за завершение построения социализма в Германской Демократической Республике и о всестороннем развитии ее национальной экономики при управлении народным хозяйством и государством, на производстве и в школе, в культуре и спорте».

Эти документы неразрывно связаны между собой. В них изложены основы молодежной политики партии и правительства. Коммуналы и проект закона являются логичным и последовательным продолжением политики Социалистической единой партии Германии и правительства ГДР в период всеобщего построения социализма.

Как и во всех опубликованных ранее партийной и правительством документах, и теперь красноречивым камнем молодежной политики ГДР является доверие к молодежи, уверенность в понимании ее ответственности за выживание страны, за ее будущее. Такая политика, основанная на доверии и ответственности, поднялась сегодня на более высокую ступень, она определена программой партии, принятой на VI съезде СЕП.

Первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии и председатель Совета Министров ГДР Вальтер Ульбрихт, под руководством которого и при непосредственном участии которого был составлен этот документ, объявил 23 сентября 1963 года на расширенном молодежном собрании в Берлине и на предвыборном собрании молодежи в Лейпциге. Своим выступлением товарищ Вальтер Ульбрихт показал яв-

но, как нужно относиться к молодежи, как заботиться и проблемам, как разрешать их вместе с ней.

Проект закона соответствует объективному общественному развитию Германской Демократической Республики и определяет основные задачи молодежи, вытекающие из этого развития. Он устанавливает ответственность государственных и хозяйственных органов за организацию, развитие и поощрение инициатив молодежи в общественной жизни.

Проект закона предусматривает оказание всего многообразия общественной жизни и вписанное в нее соответствующих прав. В законе явственно молодежь об участии и ответственности молодежи в деле развития народного хозяйства; в нем определяются задачи органов просвещения по образованию и повышению квалификации молодого поколения, разработаны мероприятия для создания здорового, культурного и сырьевого будущего молодежи.

Закон привлекает молодежь к ответственнейшему делу — к участию в управлении государством. Особое внимание уделено гармоничному воспитанию молодого человека. Он должен быть восторженно подготовленным к своей будущей работе:

технически грамотным, культурным, закаленным и, конечно, высокообразованным, обогащенным знаниями марксистско-ленинского учения. Со времени VII съезда Союза свободной немецкой молодежи, состоявшегося в мае 1963 года, еще 40 тысяч молодых и девушек, изучивших произведения Маркса, Энгельса, Ленина, получили звание «Ленинцы учебы».

Первый закон о молодежи был одобрен в феврале 1960 года Народной палатой ГДР по инициативе товарища Вальтера Ульбрихта. Целью этого закона было укрепить связь молодого поколения с антифашистским, демократическим порывом, установленным под руководством партии, пробудить в нем готовность участвовать в становлении социализма в ГДР, предоставить молодежи неограниченные права для развития ее способностей, создать материальные условия для осуществления ею гражданских прав и обязанностей.

Этот закон был претворен в жизнь нашим правительством при участии и с помощью молодежи.

Теперь, в период широкого построения социализма, во всем гражданам ГДР, и в первую очередь к молодежи, будут предъявляться новые, повышенные требования. Развитие Германской

МАРШРУТАМИ ДРУЖБЫ

Осенью прошлого года пятеро московских графиков по путевке «Спутника» побывали в ГДР. Это была обычная туристская миссия, но то, что они увидели и показали в своих работах, говорит о своеобразии творческой манеры молодых художников, об их самостоятельном взгляде на жизнь.

Новая, социалистическая Германия — вот основная тема работ Б. Страхова, Д. Мухина, Н. Лутхиной, В. Гинчукова, Е. Анискина. И хотя города, в которых побывали художники, часто привлекали их своей несхожестью, средневековой экзотикой, памятниками архитектуры, самое яркое, самое сильное впечатление вынесли художники от встреч с простыми людьми ГДР.

В новом городе Карл-Маркс-штадте молодые графики побывали на моторном заводе «Баркас-Верке». Для рабочих это посещение было неожиданным — до сих пор редко появлялись здесь даже свои, немецкие художники, а тут — русские! Позировала прямо в цехе, во время обеденного перерыва. Борис Страхов делал моментальные зарисовки, портреты рабочих. Несколькими штрихами художник выразительно показывает характер человека, род его занятий.

маленькие старинные города Саксонской Швейцарии. Художником Н. Лутхиной, Д. Мухину, В. Гинчукову удалось запечатлеть в небольших карандашных зарисовках и акварельных

линиях характерные черты каждого города, будь то городок «Габберкел» — средневековый Фрауэнштайн, вечный памятник войне Дрезден или безмятежный Майсен. Эти города — будто иллюстрации к сказкам Британской Грэмки, и в то же время художникам удалось раскрыть в портретах городов существенные признаки современности.

Из пятерых только один Евгений Анискин был здесь наверху. На этот раз он заинтересовался северной частью страны. Работы художника и основную посвящены большому общесоюзарственному мероприятию — неделе мира стран Бал-

тийского моря. Из Ростка Е. Анискин привез немало портретов сторонников мира, военных зарисовок, миниатюр. Острая наблюдательность художника, внимание к деталям придает его произведениям широту обобщения, масштабность. Впрочем, это последнее в полной мере относится и к работам его товарищей. Выставка картинок «По ГДР» в начале этого года будет экспонироваться в городах ГДР. Простой ноval творческая поездка молодых графиков в демократическую Германию.

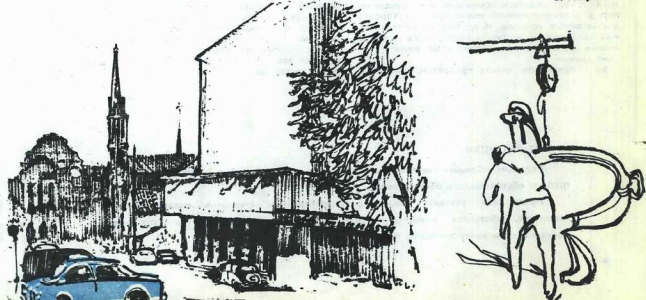
Л. ГЕРАСИМОВА

КАРЛ-МАРКС-ШТАДТ. КАФЕ «ДРУЖБА».

В. Гинчуков

НА ЗАВОДЕ «БАРКАС-ВЕРКЕ».

В. Гинчуков

ВЕТСТВЕННОСТЬ

Демократической Республики, достигнутый уровень образования и воспитания молодежи позволяют сегодня поставить на повестку дня дальнейшие проблемы построения социализма.

Вынесение на всенародное обсуждение проект закона о молодежи вполне соответствует этому процессу развития, и его претворение в жизнь окажет положительное влияние на дальнейшее повышение активности молодежи в работе, учебе и деятельности в свободное время.

На молодежных собраниях, педагогических конференциях, совещаниях ученых, встречах людей искусства, на внутривозрастных собраниях все граждане ГДР, молодые и уже поседевшие, горячо обсуждают пути решения молодежных проблем в нашей стране силами самой молодежи. Как правило, такие дискуссии в делах молодежи завершаются глубоко продуманными обязательствами, деланными районно-аппаратными подразделениями. Так, например, молодежная бригада имени VII съезда ССМ с завода токарного оборудования в Дейцигте разрабатывает для снижения производственных расходов при одновременном улучшении качества продукции. Этот ценный почин был

подхвачен на многих предприятиях Лейпцига, Берлина, Магдебурга.

Выдающиеся мастера спорта, танго, как квестный легкотанс Штрам, режиссер наладил более тесную связь с молодежью, регулярно рассказывает ей о своих поездках, вовлекая в занятия спортом.

Многие общественные деятели, ученые, артисты с большим энтузиазмом участвуют в организации молодежных клубов. В столице ГДР Берлине в день выборов, 29 октября 1963 года, состоялось открытие молодежного кафе. Теперь здесь встречаются с молодежью знатные люди страны.

Завязалась и уже дает хорошие плоды творческая дружба молодых рабочих с учениками близкого им профиля: ускорилась выработка в производстве последних достижений технической и научной мысли. Постоянно расширяется и кругозор рабочей молодежи. Хорошо зарекомендовали себя новые формы коллективного воспитания: школы заграничных мастеров, клубы молодых мастеров и т. п.

Особое острота за этот год двенадцать друзей между молодежью ГДР и Советского Союза. У нас в гостях побывало много комсомольцев, рассказавших о том, как они участвуют в строительстве коммунизма. С героическими делами советской молодежи познакомились и участники двух важных поездок друзей.

Поток вышедших напечатанными, вышедших на обсуждение партийно-правительственных документов, поставивших в известность. И это первый раз одновременно было правых внимание общественности и всего народа к рассмотрению проблем молодежи.

Зверлишь, творчески смело участвуют в обсуждении законопроекта и выдвигают новых ценных починных члены Союза свободной немецкой молодежи. Нет сомнения, что престиж Союза, доказавшего свое право называться боевым резервом партии, возрастает еще больше.

Композиция и проект закона имеют большое значение и для борьбы молодежи Западной Германии за свои демократические права и свободы, для борьбы против западногерманского империализма и милитаризма. В Западной Германии молодежи до сих пор не удалось основных прав — права на труд, права политического участия, права на образование, права хозяйственной деятельности.

Коммунисты Польдегире ЦК СЕПГ о молодежных проблемах и проект закона о молодежи вызвали сатирические

в боннских правительственных кругах. Там пытаются искануть смысла этих документов, ссылая на тот их притягательное действие на западногерманскую молодежь. Такой метод не нов. Но никто не в силах запретить молодежи Западной Германии ознакомиться с содержанием этих документов. А это, несомненно, усилит борьбу рабочей молодежи и трудящихся Западной Германии против боннской политики войны, за свои демократические права и свободы.

Скоро законопроект будет представлен на рассмотрение специальной правительственной комиссии. В нее войдут молодые рабочие и служащие, общественные деятели, ученые, спортсмены, министры. Затем законопроект будет утверждаться Народной палатой.

Доверие и ответственность — вот основы политики партии и правительства в отношении молодежи. И такая политика будет неизменной, так как она гарантирует выполнение молодежи всех задач развития экономической, общественной и культурной жизни. Молодежь Германской Демократической Республики вносит свой существенный вклад в борьбу за социализм, мир и мирное сосуществование.

ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ
ХАНСА ШРАФВЕРА.
В. Гинунгов

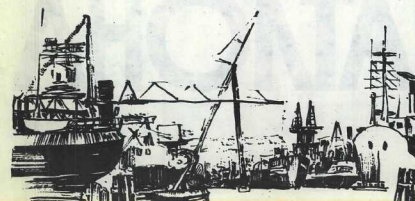

ГОРОД ФРАУЕНТГАЛ.

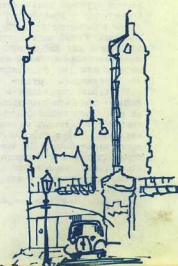
ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ.
Б. Страхов
УЛИЦА В ДРЕЗДЕНЕ.
В. Гинунгов

ВЕРФЬ В РОСТОКЕ

Е. Анискин

СТЕФАН МЮЛЛЕР, ТОКАРЬ ЗАВОДА «ВАРНАС-ВЕРК». Б. Страхов

...Низко склонив голову, ритмично отталкиваясь палками, скользит Меланин по лыжне.

насчитывает всего восемь мировых чемпионатов. Советский биатлон еще моложе: первые состязания проводились в Йохане в 1958 году. И в то же время молодость биатлона у нас в стране отстоялась. Его можно считать богатейм наследником. Дело в том, что задолго до его рождения на наших снежных трассах проводились так называемая «гонка патрулей». Четыре спортсмена-лыжника с винтовками через плечо точно так же должны были как можно быстрее пройти трассу и как можно точнее поразить мишень. Разница заключалась в том, что «гонка патрулей» была видом коллективным. Разрешилась взаимовручка, можно было стрелять по чужим целям. И зачастую трое умелых лыжников просто брало с собой хорошего стрелка, тащили по очереди его винтовку да и его самого, случалось. И он, свежеснявший, не утомленный, на стрельбище метко поражал все мишени команды.

Но вот «родственные связи» патрулистов и двоборцев распались. Спортсмен остался один на один с лыжной, лыжной и лыжной собственного карабина. Что же произошло тогда?

На втором по счету первенстве мира, в котором нам пришлось участвовать (это было в 1958 году), молчаливый, умевший глубоко прятать спортивную злость парень из города Кирова, Владимир Меланин стал чемпионом. Его результат в стрельбе — лишь 15 очков из 20. Мало, крайне мало. На всех последних чемпионатах страны и с 18 очками спортсмены не попадали, случалось, в первую четверку.

В чем же дело? А в том, что перья наши биатлонисты были настоящими мастерами лыжи: и добродушный сибиряк Дмитрий Соколов, и хитрый свердловчанин Николай Павловский, да и тот же Меланин, которому сулили в свое время славу Кузмина и Колчина.

Между тем финны, шведы, американцы приходили на лыжню со стрельбища. Очевидно, легче научить лыжника стрелять, нежели стрелка — бегать. Скорость помогла нашим спортсменам занять ведущие положения на пространстве между трассой и снежными брустверами.

Но мало-помалу скоростной барьер, отгораживавший наших спортсменов от конкурентов, был сломен. На прошлой олимпиаде, в Скво-Вэлли (где, кстати сказать, биатлон впервые был признан к «лику» олимпийских видов спорта), Александру Привалову удалось занять лишь третье место. В следующем году в шведском городе Умеа на первенстве мира тот же Привалов был вторым. Первое место и в личном и в командном зачете заняли финны. Меланина в тот

ЗАГАДКИ

С. ТОКАРЕВ

В одном из своих прозаических номеров журнала «Советский спорт», публикуя условия «Конкурса олимпийских загадок», задавая читателям такой вопрос: «Кто из биатлонистов окажется самым метким, и какое место он займет в современном лыжном двоборье?»

Охотно допускаю, что кто-нибудь из многочисленных участников конкурса сможет случайно отгадать загадку. Скопна же одна (единственная!) читательница когда-то догадалась, что марфон на Олимпиаде в Риме выиграет никому тогда не известный эфиоп Викила Абебе. Но я, много лет следивший за всеми соревнованиями по биатлону, не захотел бы предсказать победителей.

Имя только одно. Самый меткий стрелок на лыжном турнире биатлонистов (и, разумеется, на Олимпиаде в Инсбруке) может показать результат абсолютно лучший — 20 очков из 20 возможных. Такой итог наверняка будет, он не так уж редок для двоборцев. Но кто его покажет, и, самое главное, какое место займет снайпер — первое или (не удивляйтесь!) двадцатое, — вот это предвидеть трудно.

Итак, мы переходим к области загадок биатлона — современного лыжного двоборья. Прежде всего что такое биатлон? Формула его проста: 20 километров на лыжах, 20 выстрелов из винтовки. Через каждые 5 километров гонимка ждет стрельбище. На трех первых он должен стрелять стоя, на последнем — сидя. За каждый промах «липовый» получает две штрафных минуты, плюсующих к его чистому «лыжному» времени.

История биатлона коротка: этот вид спорта

...Пули ушли куда-то в снежное жарово, к зеленым крохотным мишеням, а биатлонисту надо идти дальше. О результате стрельбы он узнает только на финише.

БИАТЛОНА

год эмиссии в залас. Как мы еще убедимся, преждевременно.

Но я отвлечусь немного от истории для того, чтобы рассказать еще об одной особенности биатлона. Пожалуй, главной.

Представьте себе, что на лыжах у вас лыжи, а спиной — карабин, на поясе — подсумок с патронами. Вы взяли старт (разведальник, как во всех лыжных соревнованиях, кроме эстафет). Через пять километров вы подойдете к тропке стрелбища.

Подолжи. Легли в снег, нажали курок, пули ушли куда-то в снежное море, и в ослепном кругообразном пространстве вы ищете точку. О результате стрельбы вы узнаете только на финише, не раньше. Что же, гадайте, ломайте себе голову! Может быть, это потеряно, может быть, попал промахом, может быть, промахнул минут неслучайно, утратившаяся выдержка, может быть, поспешили к победе и допустили нечетно. А может, наоборот, вы выжили пять очков из пяти, и надо торжествовать, чтобы закрепить этот результат успешом в точке. Торопитесь! Легко сказать! Промерно быстрый темп сбавит вас дыхание, и у следующего брестера придется лежать несколько минут, чтобы сердце успокоилось и мускулы перестали пыхтеть. 20 очков по гарантии победы. Если они лежат в ваших руках, прощания на лыже и стрелбище, то грим их цена.

Что же делать? Александр Привалов, один из самых умелых наших двоеборцев, сказал как-то хоршему французскому спортсмену, относящему не только к биатлону: «Не надо думать заранее о победе. Надо идти и думать о том, что идешь. Стрелять и думать о том, что стреляешь. А победа по себе разобьется сама».

Но вернемся к истории. Уже в 1961 году наряду со скоростью и точностью — факторами, которые стали служить и нашим соперникам, — важным выступил фактор третий — спортивное мастерство. О нем раньше не говорили. Вспомните Леонида Дмитриевича Соколова. Он писал тогда: «Проиграли мы, как я абсолютно убежден, не за счет скорости или точности. Дело в том, что наши ребята проведут за одним рубежом больше времени, чем мы. Ждут привычных условий. Одному ветер мешал, второму — солнце. Но польза от этого сомнительная, а время уходит. Нет, лимит поворотов вынужден на отжимов поворота должен стать законом».

Видно, насколько подравнились результаты всех конкурентов на мировой лыжне, какую цену приобрели секунды! Полминуты выиграла на каждом этапе команда Швеции.

В этой борьбе пока победа на нашей стороне. Два последних года чемпионом мира становится аронец Владимир Меланин. Тот самый Меланин, которого еще недавно мыслялось списком в запасных. Я расквашу вам о том, как выглядит Меланин на трассе. Вот, склонив голову, ритмично отталкиваясь галками, скользящий по лыжам. Ни походы к стрелбищу он удерживает не отдавая секунды ни доли секунды. Левая рука хорошо отработанным жестом тянется к правой, чтобы оттащить рукавицу, и по дороге расстегивает подсумок. А правая тут же, подцепив ремеш карабина, рывком бросает его через спину в подсчетный автоматизм большого мастера. Лицо Меланина исполнено в эти секунды той замкнутой, предельно сосредоточенной интеллектуальной энергии, которая требуется большому мастеру, большому спортсмену.

Таким Меланин. Но странно: он, грекхратый чемпион мира, непобедимый борец, почти никогда не выигрывает лыжных международных соревнований. Дело в том, что есть в нем одна особенность, которая может быть, даже заведка. Как правило, победитель мало-мальски крупного мирового сезона или даже республиканского турнира показывал в стрелной дисциплине 10 и 20. Меланину это почти никогда не удается. Чемпионом мира хватал и 19 и 18. Меланин в их числе. Что тому вины: волнение, нервничание, обстановка, мышечная усталость, может быть, но на что они способны, и позволяющая вернуться в талант других? Не знаю. Факт остается фактом.

Вот сейчас, резерв будущего чемпиона мира — та самая пуля, единственная, отдающаяся его результат от абсолютного? Одна пуля плюс все та же скорость, плюс спортельность, плюс четкий переход от стрельбы к бегу и наоборот. Поговорят, что Меланин — чемпион по «Советскому спорту». Выдалось — елишком выигралый, слишком (не боюсь этого слова) загадочный вид спорта. Но в этом-то и заключалось его пределье.

Александр ПЕРЕЛЬ

ВВЕДЕНИЕ «БАРЬЕРО»

Б Е Р Е Д «БАРЬЕРО»

Заметки спортивного
обозревателя А. Смирнов

оимно разогрызши национальных чемпионов Европы, мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы. Мы имеем в виду победы Европы перед национальными чемпионами Европы.

четвертьфинал, где, как и в 1959 году на первенстве мира, Швеция проиграла национальной команде Швеции, выигравшей (2:0 и 1:1) футболистов Норвегии и в последние годы — обладателя Кубка Европы 1960 года — сборной национальной команды Швеции (0:0 и 3:2).

Итак, первый обзор свеж нас и наших старых противников — шведов. Впервые советские футболисты встретились со шведами в 1953 году. В тот год посланцы Страны Советов провали 10 встреч в девяти городах Швеции и ни одной не програли (символично, что ни разу).

Первые семена, посеянные нашими ветеранами, дали прекрасные всходы. В борьбе с одной и с другой стороны выключались все новые и новые коллективы, расширялся географический круг встреч, и наконец, настал день, когда состоялся матч «Сборная команда СССР — Сборная команда Швеции» в Стокгольме и Москве. В матче в Стокгольме в составе нашей сборной участвовали: Г. Чокен, А. Масленин, А. Крутинов, Ю. Войнов, Н. Нитто, С. Мещеряков, В. Иванов, В. Понделлин, В. Бубин, И. Мещеряков.

В 1963 году в борьбе за Кубок выключился 29 национальных чемпионов Европы — почти все представители европейских федераций и ассоциаций. От тура и туфина кандидатами на выход в финал оставались: Швеция, Финляндия, и наконец лишь восемь команд завоевали право продолжать борьбу. Это сборные команды Венгрии, Ирландии, Испании, Люксембурга, СССР, Франции и Швеции.

Первый четвертьфинальный бой уже состоялся. Участвующие в третьем дополнительном матче сборной Люксембурга и сборной Ирландии сниспоной душой готовятся к предстоящей встрече с национальной сборной.

Футболисты СССР, на обладатели Кубка, были освобождены от игр первого тура и вступили в борьбу с командой Швеции. Встреча в Стокгольме, первая в серии, завершилась ничьей (2:0) и за тур до начала второго раунда.

Против четвертой команды в первом туре в Чили, советские футболисты выигрывают со счетом 2:0. В 17 апреля 1962 года в Швеции, на стадионе «Уллева», состав сборной Швеции выиграл СССР проиграл (1:2) и вступил в борьбу с командой Швеции. Встреча в Стокгольме, первая в серии, завершилась ничьей (2:0) и за тур до начала второго раунда. Встреча в Стокгольме, первая в серии, завершилась ничьей (2:0) и за тур до начала второго раунда.

Впервые советские футболисты встретились со шведами в 1953 году. В тот год посланцы Страны Советов провали 10 встреч в девяти городах Швеции и ни одной не програли (символично, что ни разу).

Первые семена, посеянные нашими ветеранами, дали прекрасные всходы. В борьбе с одной и с другой стороны выключались все новые и новые коллективы, расширялся географический круг встреч, и наконец, настал день, когда состоялся матч «Сборная команда СССР — Сборная команда Швеции» в Стокгольме и Москве.

В матче в Стокгольме в составе нашей сборной участвовали: Г. Чокен, А. Масленин, А. Крутинов, Ю. Войнов, Н. Нитто, С. Мещеряков, В. Иванов, В. Понделлин, В. Бубин, И. Мещеряков.

В 1963 году в борьбе за Кубок выключился 29 национальных чемпионов Европы — почти все представители европейских федераций и ассоциаций. От тура и туфина кандидатами на выход в финал оставались: Швеция, Финляндия, и наконец лишь восемь команд завоевали право продолжать борьбу. Это сборные команды Венгрии, Ирландии, Испании, Люксембурга, СССР, Франции и Швеции.

Первый четвертьфинальный бой уже состоялся. Участвующие в третьем дополнительном матче сборной Люксембурга и сборной Ирландии сниспоной душой готовятся к предстоящей встрече с национальной сборной.

Футболисты СССР, на обладатели Кубка, были освобождены от игр первого тура и вступили в борьбу с командой Швеции. Встреча в Стокгольме, первая в серии, завершилась ничьей (2:0) и за тур до начала второго раунда.

Против четвертой команды в первом туре в Чили, советские футболисты выигрывают со счетом 2:0. В 17 апреля 1962 года в Швеции, на стадионе «Уллева», состав сборной Швеции выиграл СССР проиграл (1:2) и вступил в борьбу с командой Швеции. Встреча в Стокгольме, первая в серии, завершилась ничьей (2:0) и за тур до начала второго раунда.

Встреча в Стокгольме, первая в серии, завершилась ничьей (2:0) и за тур до начала второго раунда.

Встреча в Стокгольме, первая в серии, завершилась ничьей (2:0) и за тур до начала второго раунда.

«БРАТСТВО—ЕДИНСТВО»

«Братство—Единство» так называется одна из крупнейших организаций в Польше. Это — союз рабочих и служащих в Бельгии, Бельгии, Франции и в других странах. Организация была создана в 1914 году. Ее целью является объединение рабочих и служащих в одной организации, которая борется за улучшение их условий жизни и за мир.

Судите сами, много ли авторств — 1 000 человек. Это — много. Но в организации много людей. Это может быть просто автомобильная станция, или магазин, или завод, или фабрика, или школа, или университет, или даже целый город. Везде, где есть люди, там есть «Братство—Единство».

А в 1938 году в Польше было создано «Братство—Единство». Тогда на правых сторонах отключались 320 тысяч человек в деревнях. Через два года в Польше было создано «Братство—Единство». Потом наступила пора. В 1938 году строили охладительные машины, а в 1939 году — в Милане.

И если строить им паростанции, это страна

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПЕТЛЕ

Трудно представить себе что-нибудь более жуткого, чем способ заработка на жизнь, который используют предприниматели бельгийских горных районов. Это — ловля петлей.

Он позволяет себя ловить. И его выжили. Среди сотен тысяч человек, которые выжили, было много хороших людей. Но в то время, когда они жили в горах, они были очень бедны. Они жили в пещерах, и их жизнь была очень тяжелой. Они жили в пещерах, и их жизнь была очень тяжелой. Они жили в пещерах, и их жизнь была очень тяжелой.

Выходит один раз в месяц
№ 1 (44)
 Год издания 54

ГЛОБУС

ЯНВАРЬ 1964

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕНИ»

СОПОСТАВЬТЕ ЭТИ ФАКТЫ

ПОЛЬША. С 1960 года здесь построены 734 школы с 6 300 классными комнатами. Количество студентов в высших учебных заведениях Польши увеличилось за последний год на 18 тысяч, а школьников первых классов — на 123 тысячи.

США. Некая тысяча помещений в стране оценивается специалистами цифрой, превышающей 120 тысяч.

ВЕНЕСУЭЛА. Министерство просвещения издало закон о закрытии гимназий в 11 городах и на острове Маргарита.

ПЕРУ. В ответ на протест студентов против деятельности американского экспортера нефти правительство объявило о закрытии столичного университета «Алагуас».

ВСЯК ПОСВЯЕМУ

В Австралии состоялся очередной чемпионат по прыжкам с парашютом. Чемпионом признан только профессионал — доктор Роберт МакГрат. Вторым призером стал шотландец Роберт МакГрат. Третьим призером стал шотландец Роберт МакГрат. Третьим призером стал шотландец Роберт МакГрат.

А на этой фотографии вы видите двух знаменитых певцов, или певцов из Дании. Это — Ларс Ларсен и Ларс Ларсен. Они были замечательными певцами. Они были замечательными певцами. Они были замечательными певцами.

РАСТУЕТ УНИВЕРСИТЕТ
 ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПЕТЛЕ
 ПЕРВЫЕ СЛУДНЫ

Я — РАБЕНКОСТЬ

Предложение. Начало см. в № 1.

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКВА

Я и сам не знал, почему записки Кабува в шоферы. Наверно, для того, чтобы вести солидный разговор. Черт его знает, как действует девчонки! Ничего, молоть сам не знал что.

Вдруг подруга Мила перебила меня: — Я знаю, что такое «боговот». Это значит бант.

— Как это ты сразу кляпаша на человека? — сказал я. — Он еще не устроен на работе, и его свободно могут замести. Ну, он сидел, правда. Так что же ему — век жизни не выдать? Ты тряс в марту.

Мила фыркнула. — Подумайся! Я же не сказала точно, что это он...

— Не сказала, не сказала... — Мила почему-то было обидно за Семку. — Чепуха! — махнула рукой Лена Бабич. — А Семка той, когда из тюрьмы пришел, был и нас. Потому что лапа его еще ребенком подсобрал. На войне. А потом его в детский дом отдали. Да ну его, в общем!

Я знал, что Семка Кавсу действительно находился при Пирате еще совсем недавно. Лег десяти, что это Пират попал с Виктором в расказываю. А что с ним было дальше, мы не знали. И почему он угодил в тюрьму, не знали тоже. Я спросил у Лены:

— Ты знаешь, ты знаешь его? — Немного. Да ну его! Он насквозь испорченный. Окалывается без дела.

— Он жениться хочет, — сказала я почему-то. — Кому он нужен там?! — удивленно гримасу Лена, а Мила покосилась, отчего руки ее стали похожи на лапки.

— А какой тебе нужен? — спросил я со злостью в голосе.

Мила не ответила и только мотнула в меня несмелый взгляд. Как черный шарик.

Девушки помолчали, а Мила вдруг спросила: — Ты ни с кем не встречаешься?

— Нет... с тотемками... а я сплонул. В эти дни я поспорился с Тонькой и считал себя свободным. Может, и я был виноват, конечно. Даже я, а не она. Но все-таки мне хотелось выдержать характер, хотя я и не понимал, для чего его выдерживать. Я не удивился приглашению Лены. Я знал и без каких-то недомолвок, что у нее есть какой-то парень, с которым она еще в школе училась и поступала в институт. Но парня пришло в себя она пошла на завод, как говорится, в окантисни высшего образования. Что он был за парень, я не знал, как он отнесется к тому, что я приду, было мне несюсю, но я и дела до него мне не было никакого. На всякий случай я спросил:

— А что скажет твой Коля?

— Лена покраснела, зардала нос и сказала: — Он ничего не скажет, он не придет, я не зная его.

— Поссорился? — насмешливо спросил я. — Да, поспорился!.. А тебе какво до него дело?

— Мне-то никакого. А вот тебе, кажется, дело есть. Ну да ладно! Спасибо, я приду.

...Не знаю почему, но, приходя на работу, я стал походить оглядываться на Лену Бабич и чувствовать, что она не просто красавица в синем комбинезоне, но что она — еще и девушка и к тому же весьма заманчивая.

Дружка она тоже с какими-то непонятными девчонками, вроде этой Лены Милы. И смотрели мы на Лену Бабич как на временное явление. Как-то Кирья Брэнцель стал ухаживать и обещанный перерыв перед Леной, пристраивать, сватил под ручку. Она дернулась, стукнула его по руке и даже слова не сказала. А он скорчил гадливую рожу и деланно погосом сказал, выходя задом: — Он не такого воспитания!

Лена не ответила и на это, а я, с тех пор как она меня пригласила на день рождения, считал себя чем-то связанным с нею. Поэтому я двинул Кирья плечом и цинкует на него.

— А ты чего ешь? — удивленно спросил Кирья и как вытиснул глаза?

— А того... Поцелуй! Не приставай.

— Ладно... ненавию согласился он и махнул рукой. — Не тронь... этого самого...

— Ну что ты за сволочь все-таки! — досадливо проговорил я и ушел.

Действительно, Лена была еще такого воспитания, и сколько бы там Кирья ни куржился, а в дураках остался он, хоть и был мастер ругаться. Лена как-то умела смотреть не замечая, не замечая, и мне было особенно приятно, что она меня пригласила.

Конечно, я стал про себя сравнивать ее с Тоней, но даже не представлял себе, как я могу ее, сказать, пощелкать, как могу с ней поспориться с уверенностью, что назавтра она сама будет искать меня. Она отличалась от Тони разностью, словно была вынорена из другого материала, словно ей сам бог велел находиться под небом в своем сворачнике и равнодушно поглядывать на нас, простых смертных токовер.

А нам некогда было задрать голову. У нас крутились станки, нам подавали детали, и бывали смехи, когда челоости сводило от желания заныреть.

И все-таки я нет-нет да поглядывал на нее, как она ездила под крышей. Я не хотел приписать себе в том, что ждущ с нетерпением назначенного дня.

Обычно ребята рассказывали друг другу о своих тайных делах, и мы знали, что с кем встречаемся, что для чего убивается и кто от кого страдает. Конечно, о страданиях не рассказывали ничего, больше о победах. Это и понятно: какой парень захочет дать повод считать его размазанным?

А размазанный — это довольно широкое понятие. Если девушка тебе отшила, значит, ты размазан. Если она предлохла тебе другого, значит, ты тоже размазан. Но если ты относишься к ней по-особенному, скрываешь свои чувства, вздыхая украдкой и прча свои страдания, значит, ты все равно размазан. Парень должен быть казакком от головы до ног и без всяких телых нежностей!

Вот какие героические мысли старались мы внушать друг другу, чувствуя все-таки, что ничего, кроме колесного гротеха, в эти мыслих нет. Больше всех своими победами хвастался Кирья Брэнцев. Он рассказывал подробности, от которых у нас паршило в горле. И не знаю как кому, но мне всегда почему-то хотелось плюнуть Кирье в веснушчатую щеку. Наверно, такое желание появилось не у одного меня. Витка Моргунов сначала смеялся, потом хмурился и перебивал хвастливу Кирьину речь:

— Жалко!

А Витка был для нас авторитетом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

За каждый вильтишторый я вас скормлю, я потребую от вас ряд мелких усаге.

Ильф и Петров.

3 а Вильтишной мной же жили как за каменной горой. Ничего особенного этого парня из себя не представлял, нормальный, средней парень, но была у него в середине кава-то язвкая сила, какие-то вставные зубы, которыми он умел отгрызть от жизни сколько хотел. Но и хотел он не очень много. Так по крайней мере нам казалось. Хотел он нормально одеться, выпить, занырнуть, съездить в кино или на танцы и погулять с девчонкой. Кроме того, Витка строил себе дом.

И сидела в нем еще одна особенность, которой можно было позавидовать: Витка точно понимал,

что к нему, и очень толково разбирался в событиях. Он умел выступать на собраниях, говорить бойко, без всяких бумажек и даже до того, что стал незаменимым оратором, словно в щеле все было немимым, а дар речи от рождения получил один Виктор Моргунов.

Последнее время он даже стал как-то по-особенному разговаривать с начальством или с комсомольскими секретарями — важно, как с маленькими. А когда разговор кончался и начальство удалялось, Витка поднимал нам весело, как иногда поднимал своему портрету, висевшему возле завода на почетной доске.

Вот уже второй год его портрет не сходил с доски почти. Дважды нашу бригаду снимали для газеты, но-то же даже срончат новые запови носившиеся к нам: «моргунотцы». Это было приятно. И мы, кулапы в лучах Вильтишной славы, уже почитали его как бога, а наш мастер Петр Фомин получавший-получаути мнаменов его отцом и благодетелем.

Мастер наш Петр Фомин был человеком точным и строгим, как станок. Дождаться от него доброго слова было так же трудно, как заставить станок петь песни.

И все-таки наша бригада уже позабыла то время, когда Петр Фомин относился к нам, как ко всем остальным. Нет, мы у него были любимцы. И Петр Фомин знал все, что мы хотели.

Наша бригада выполняла планы производств на полтораста — двести, и если бы Петр Фомин не ушел в отпуск, мы, пожалуй, ниже ста пятидесяти не опускались бы. Но сейчас старик возился в своем огороде, носил белую шляпу и чинил свое хозяйство под руководством своей супруги, а нам приходилось работать с молодым инженером Викторином Семеновичем Савчуком, которого мы называли Витилем, Сачком и вообще откровенно не любил.

Если бы Савчук не был инженером, он был бы просто Венной, поскольку по возрасту своему вполне годился для этого. Ему было лет двадцать пять, но он был окорженый, как туркинец, за щидил нашу команду на соревнованиях по плаванию и занял второе место. В нашем приморском городе слава пловца ценится очень высоко, и одна эта слава может навеки приписать авторитет человека. Но Витиль-Сачок настолько нам наделел, что мы, греша против истины, поговаривали, будто приз он получил по благу. Хотя какой может быть благу, когда человек плывет, как дикая рыба, на виду у каждого города!

А портрл он нам жизнь отчаянно.

Мы были передовики, гордость завода. Витка привык сидеть в президиуме, как у себя дома. А Савчук Фомин был человек ясный и тонкий. Он знал, что его зароботок зависит от нас, и поэтому относился к нам, как полагается в таких случаях. Знал также Петр Фомин, что почет, окружавший нашу бригаду, сулил почет и ему, а почет в конце концов тоже не последняя вещь в хозяйстве человека.

Савчук был нам непонятен. То ли он прикидывался дурачком, то ли в самом деле много что собралось в Савчуком происходило разговоров.

Петр Фомин был человек ясный и тонкий. Он знал, что его зароботок зависит от нас, и поэтому относился к нам, как полагается в таких случаях. Знал также Петр Фомин, что почет, окружавший нашу бригаду, сулил почет и ему, а почет в конце концов тоже не последняя вещь в хозяйстве человека.

Савчук был нам непонятен. То ли он прикидывался дурачком, то ли в самом деле много что собралось в Савчуком происходило разговоров. Петр Фомин был человек ясный и тонкий. Он знал, что его зароботок зависит от нас, и поэтому относился к нам, как полагается в таких случаях. Знал также Петр Фомин, что почет, окружавший нашу бригаду, сулил почет и ему, а почет в конце концов тоже не последняя вещь в хозяйстве человека.

Собственно говоря, он тоже был в накладе,

потому что остался без прогрессии. Вита сказал:

— Вам что, плохо получать прогрессивку? Вы что, не понимаете важности момента? Что ж, вам хочется, чтобы в чехе в один прекрасный день исчезающее переодиче змеило... Вита удивился, что, как взрослый человек на неполнолетного ребенка. Савчук смотрел на Вито спокойно, без искуса, даже с каким-то сожалением, а мы стояли за Витиной спиной, как боевые отряды готовый к стрельбе в кармане.

— Или вы, может быть, думаете, что мне не известны ходы и выходы, или вам кажется, что вас поглядят по головке за то, что вы роняете честь родного чеха?

Савчук молчал и вздыхал от скуки. Я обомшел Вито и стал радом с ним. Теперь либо Моргунюво было мне хорошо видно. Он смотрел на Савчука начальными собачьими глазами, как смотрят на слабого человека, вставая к морду. А Савчук молчал, сунув руки в карманы.

Нет ничего противнее на свете, чем молчание человека, перед которым ты изляпыхишь и повышаешься голосом. Это молчание гораздо обиднее всяких слов. Нормальный парень, но акцент Витин был давно бы уже пригнунул нас, обидел, мы бы пошутили и, может быть, согласились на его условия. Но Савчук был ненормальным. Он молчал и рассылал в Витин взглядом, как будто бы не слыхивший ни слова, и Витин, как старший бригадир, а посторонняя фигура, неизвестно как попавшая в чех.

— Почему вы не отвечаете? — настаивал Вита. — Слушай, Моргунюво, ид-ка работать.

Вита удивился, почему молчал? — крикнул Вита, обидравшись, что Витенья заговорил, и приблизился носом к его носу. Но тот только пожевал скулами и улыбнулся. Он молчал.

Или вы думаете, — заверил нас старший Моргунюво, — что вам скажут кое-где спасибо за то, что вы путаетесь под ногами у молодых строителей коммунизма?

Последние слова он выговаривал так, что у меня рвало в ушах Витинь—Сачок тихим, у меня нервы глосом отступил:

— Ты не строишь коммунизма, Моргунюво. Ты индивидуальный застройщик... Это разные вещи... Ты индивидуальщик, он ушел с тобой за заводскую. Я понимаю, что Витенья нервничал на три, он хотел напугать инженера своей силой, своей фотографией и своими газетными статьями. Поэтому, когда Савчук ушел, Витенья как ни в чем не бывало ушел.

— Ничем его не проймешь, гада личинего! Ну, айда, пошли! При Петр Фомича исправим положение. Как он сказал? Индивидуальный застройщик... Вообще было невнятно из его рта слышно по участку рабочего участка в строительстве жилищ Хо-хо! Здорово я загнул, ребята! Ну, черт с ними: мы свое всегда возьмем!

Витинко замечание насчет строительства жилищ было весьма кстати. В свехом номере нашей газеты «За высочую намества», расклеивенной на витрине у входа, виднелась фотография, сделанная три дня назад литработником Владиславом Лушково. Вообще было невнятно из его рта слышно по участку рабочего участка в строительстве жилищ Хо-хо! Здорово я загнул, ребята! Ну, черт с ними: мы свое всегда возьмем!

Витинко замечание насчет строительства жилищ было весьма кстати. В свехом номере нашей газеты «За высочую намества», расклеивенной на витрине у входа, виднелась фотография, сделанная три дня назад литработником Владиславом Лушково. Вообще было невнятно из его рта слышно по участку рабочего участка в строительстве жилищ Хо-хо! Здорово я загнул, ребята! Ну, черт с ними: мы свое всегда возьмем!

И мы стали к стенкам.

Этот день нам сулил рубля по два на брата, процентов сто пять, но больше, выработано, если хорошо работать, а привилки мы выгонят по шесть, а то и по восемь рублей. Мы работали без вкуса и гвалта в брак детали за деталью. И друг Витенья подшол ко мне и сказал:

— Завтра возьмем на складе работы на три смены, слава, рекорд! Будем ставить, понял! А это мерлодиолоно — фьюты! Понял?

Я понял. Надо было перетаскать заготовки обратно в складскую. Под шумок это можно было сделать, переодиче змеило... Вита удивился, что, как взрослый человек на неполнолетного ребенка. Савчук смотрел на Вито спокойно, без искуса, даже с каким-то сожалением, а мы стояли за Витиной спиной, как боевые отряды готовый к стрельбе в кармане.

— Подбери детали! — сказал он зубы.

«Подбери детали!» — это не просто слова. Так назывались кампания за экономикю, нававшая на нашем заводе и идущая, надо сказать, с успехом.

Придумал эту кампанию старик Зотов. «Хозяин завод», как его называли в газете.

Старик Зотов вышел на пенсию, и с этого дня завод попал под его неуспынный контроль. Времены и старика теперь было вдвоем, и он бродил меж чехов, как маневровый буксирчик. Сначала на него не обращали внимания, но постепенно старик начал влезать куда угодно, и нам становилось неприятно при одном его виде. Это был типичный, немалоголовый старик с выцветшими голубыми глазами, красным морщинистым лицом, как будто он только что прижимался к сетке-безрукавке, и низким хрипловатым голосом. Ходил он в застиранной спецовке, ветхой, как и он сам, но обязательно выглаженной, и в старой чистенькой шляпе. Шляпа на его узкой фигуре придавала ему сходство со старым грибом, и он действительно появлялся, как гриб, неслышно и без объявления.

Однажды наш директор показав чех каким-то начальству. Несколько человек важно осматривались вокруг, прострали руки вправо и влево, встали спиной. Директор что-то рассказывал, гости слушали, важно наклонив головы к плечу.

И вдруг рядом с директорской фигурой вырос старик Зотов. Он, крахат, нагнулся к самому Бо-

тинку директора и, подавая какой-то предмет, сказал:

— Вот, Михаил Фаддич, что получается... А ведь просто надо поставить тут ящик и надписать: «Подбери детали!».

Директор оглядел Зотова.

— Что это за уяс?

— Болтушек! — пропел старик, и директор синхронно засмеялся.

— Я знаю, Данильч, ты мужичок хозяйственный...

— Я-то хозяйственный... — протребезжал старик, — да что толку... Вот вы, Михаил Фаддич, не в обиду вам, нехотиственный...

Голосом старика Зотова являлись громче всех и директор. В этот момент из-за фрезерной группы высокой автокар и с разгона, криво объехав его и директора, помчался адло пролета. При этом с автокара слетело несколько заготовок и попало по торцовому ступу.

— Вот, извлеките выдети, — сказал Зотов и нагнулся поднимать. — Она летит, как шальная... Конечно, урон неважно. А быть бы ящик «Подбери детали!» — глядишь, и вы бы подумали... Дилектика — ничего не продает захра...

То ли директору понравилась зотовская идея, то ли ему было неловко перед гостями за эту стариковскую критику, но только в чехе деланно было объявлено о выполнении с большими черными надписями: «Подбери детали!». Ящики эти стояли теперь на всех поворотах завода, и бедовые автокарщины, поворачивая свои строительные колымаги на выезде из цеха, громко гудели кричали:

— Э-э! Мила-а-а! Па-а-а-а-а-а-а-а!

— И проносились со смехом, как на гонках.

А Зотов продолжал хозяйничать по заводу. Старик повадился ходить на салуку. Заводская салука — место особенное. При жалании там можно наладить второй сборочный чех. Конечно, там больше утиля, но попадаются чехи и подороже.

Когда мы к празднику гнали план, вислое отдалось от нас все замесом с большими, черными надписями: «Подбери детали!». Ящики эти стояли теперь на всех поворотах завода, и бедовые автокарщины, поворачивая свои строительные колымаги на выезде из цеха, громко гудели кричали:

— Э-э! Мила-а-а! Па-а-а-а-а-а-а!

— И проносились со смехом, как на гонках.

А Зотов продолжал хозяйничать по заводу. Старик повадился ходить на салуку. Заводская салука — место особенное. При жалании там можно наладить второй сборочный чех. Конечно, там больше утиля, но попадаются чехи и подороже.

Когда мы к празднику гнали план, вислое отдалось от нас все замесом с большими, черными надписями: «Подбери детали!». Ящики эти стояли теперь на всех поворотах завода, и бедовые автокарщины, поворачивая свои строительные колымаги на выезде из цеха, громко гудели кричали:

— Э-э! Мила-а-а! Па-а-а-а-а-а-а!

— И проносились со смехом, как на гонках.

А Зотов продолжал хозяйничать по заводу. Старик повадился ходить на салуку. Заводская салука — место особенное. При жалании там можно наладить второй сборочный чех. Конечно, там больше утиля, но попадаются чехи и подороже.

Когда мы к празднику гнали план, вислое отдалось от нас все замесом с большими, черными надписями: «Подбери детали!». Ящики эти стояли теперь на всех поворотах завода, и бедовые автокарщины, поворачивая свои строительные колымаги на выезде из цеха, громко гудели кричали:

— Э-э! Мила-а-а! Па-а-а-а-а-а-а!

— И проносились со смехом, как на гонках.

А Зотов продолжал хозяйничать по заводу. Старик повадился ходить на салуку. Заводская салука — место особенное. При жалании там можно наладить второй сборочный чех. Конечно, там больше утиля, но попадаются чехи и подороже.

Когда мы к празднику гнали план, вислое отдалось от нас все замесом с большими, черными надписями: «Подбери детали!». Ящики эти стояли теперь на всех поворотах завода, и бедовые автокарщины, поворачивая свои строительные колымаги на выезде из цеха, громко гудели кричали:

— Э-э! Мила-а-а! Па-а-а-а-а-а-а!

— И проносились со смехом, как на гонках.

А Зотов продолжал хозяйничать по заводу. Старик повадился ходить на салуку. Заводская салука — место особенное. При жалании там можно наладить второй сборочный чех. Конечно, там больше утиля, но попадаются чехи и подороже.

Когда мы к празднику гнали план, вислое отдалось от нас все замесом с большими, черными надписями: «Подбери детали!». Ящики эти стояли теперь на всех поворотах завода, и бедовые автокарщины, поворачивая свои строительные колымаги на выезде из цеха, громко гудели кричали:

— Э-э! Мила-а-а! Па-а-а-а-а-а-а!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Приходи в гости во-
время и вовремя уходи.

Правила хорошего тона.

Пости заполняли своим голосам бабичасую квартиру. Мне почему-то не хотело выходить к ним, и вообще я уже жалел, что пришел сюда. Ляли папа показывал мне ступ своей работы, на точном вите, с подоконниками из гнутой фанеры, показывал шкаф с особым устройством дверцы. Сначала я подумал, что имея такую пенсию, конечно, нетрудно с жиру ударились в какие-нибудь чудачество. Но постепенно я убедился, что Бабичу доставляет несильное удовольствие хвастать своей работой. Так не работают от скуки. И с жиру так не работают. Вынь его сегодня из этого рая, лишь достаешь — все равно не продашь.

Старик Зотов как-то сказал отцу: — Мы с тобой, Степа, зареженные работой. Смертельная это болезнь. И, рассматривая бабичевские изделия, я подумал, что он тоже заразился на старости лет.

А в раю шумали гости. Вдур в комнату вошла Лена. — Папа, и тебе Василий Кириллыч... А ты, Алеша, иди сюда, я тебе знакомить буду.

— Сейчас, — ответил за меня Бабич.

Лена выбежала, и в дверях показался Пират.

— Здравствуй, товарищ полковник! — бодро сказал он, глядя перед собой и держа обеими руками старую мичманку с озыранием. — Здравствуй, Моргунов, садись, — ответил Бабич, и Пират вздохнул, делая вид, что не знает меня.

— Я и вам на минуточку, — сказал он, поспешно отнимая от мичманки руку, чтобы показать протанцовую ладонь Бабичу.

— Не годится, — сказал Бабич. — У нас гости. И ты будь гостем.

— Не могу, — виновато улыбнулся Пират. — По делу я, Анисим Николаевич...

— Ну по делу, так выкладывай. Алешка не помешает?

— Нет, — ответил Пират и подмигнул мне (де-

скать, узнал!) — Мне, товарищ полковник, характеристика нужна. Ну, какой я был матрос и, значит, сейчас, поскольку мы меня знаете...

— И все дело?

— Ладно, — пожал плечами Бабич. — Напишу. А куда писать-то?

Пират попросил секунду, но ответил:

— В сабел.

— Ладно... А ты оставься, Моргунов.

— Никан не могу, Анисим Николаевич. Тут от меня представитель есть... Меньшой...

Он застенчиво улыбнулся и, подтанцувшись, добавил:

— Счастливо оставаться, товарищ полковник! — Будь здоров, Василий Кириллыч, — ответил Бабич и задумчиво добавил, когда Пират вышел: — Хороший был солдат... Ну, ладно. Пошли и мы.

И, конечно, первый, на кого наткнулся мой взгляд, был Андрейчик Ковальский. Он стоял возле оны, упирая руки в поясницу под широкими локматым пиджком, и покачивал головой. Лицо выражало такую скуку, словно был он не человеком, а вазельным рыбком с наивлевыми усиками.

Подруга Мида, наверно, заразилась от него скукой, потому что она ходила как парализованная и все время обращалась к Лене с малоприятной просьбой:

— Дай что-нибудь от башенки пожевать.

Губы у нее вытгивались в курьую гузку, и, если б она не прикладывала руку ко лбу, я и не догадался бы, что протит она какое-нибудь леварство от головной боли.

Но только врала она, это точно. Никакая голова у нее не болела. А просто с некоторых пор у нас в городе объявилась мода выгладеть скучно и утомленно, жаловаться на усталость и вообще прикидываться убитым наполам.

Ребята, зареженные этой модой, даже выключили по-особенному обращать свое внимание на окружающий мир. Задерат брови и одновременно опустят веки, вот-вот кожа разорвется. И так насобачились они управлять своим лицом, что могли бы такой модой свободно показывать в цирке. Или в кино.

Теневали они, как сиуные судачи. Парень выгнет спину колесом, выгнет личико страданием, подбородком вперед, изобразит бровями и веками смертельный номер и качает головой в такт

музыке. Да так горестно качает, как будто, пока он тут находится, дома у него один за другим мрут родичи, а он ничем не может им помочь. А девушка при этом, извивается, ровно акула, которую поймали, свзвали и сейчас будет ей выдирать зубы по одному и без наркоза. И выражение у нее такое же: с одной стороны, акула, а с другой стороны, жалко смотреть.

И разговаривали они как-то чудно: нарасло, с крикой усмешкой, будто сорвановались, кто кого пересукает.

— «Уж не жду от жизни ничего я, и не жалю мне прошлого ничуть», — говорила про них Шура и называла собачьими артисторатами и покойничками.

Покойнички держались обособленно. Их рады пополнялись за счет лиц разочарованных в жизни. А разочарованы в жизни — сущий пустяк. Надо только уснать себе, что жизнь есть сплошное разочарование и что человек все равно умрет. А раз он все равно умрет, так лучше бы ему совсем не рождался. Но если бы он не родился, как бы узнал он, что жизнь есть сплошное разочарование? Вопрос действительно тяжелый. Тут волей-неволей засучивались.

А на самом деле покойнички пили и ели, как деляги, и наржались они, как живые, и манирок живые, и даже женились, что покойникам уже совсем ни к чему.

Я осматривался и удивлялся: как это в такой тесноте могло уместиться столько народу и как при этом каждый выделывал своиими привычками, почти не целясь за соседа.

А меня позвали сюда из-за Витку, чтоб, значит, и Витку позвать. Это точно. Витка смотрел на Лену тясюлыми глазами, как щенок, и чувствовалося в этом взгляде много такого, что он сумел скрыть от меня, хотя мы с ним были друзьями-приятелями. Лене он тоже нравился. Это я понял только сейчас. «Смотри, пожалуйста, как умеют люди скрывать!» — думал я. — Кто бы сказал в цевель!

И снова я получилась не сам по себе, а при Викторе Моргунове.

Но Ляли папа оказывал мне почему-то предпочтение перед другими гостями. Он несколько раз вводил меня к себе, и вообще мне показав-

лось, что и сам он чувствовал себя дома не очень свободно.

Лялина мама была похожа на танцовщицу с картины, которая прибывала в весе килограммами пятнадцать.

Я смотрел на Бабица и думал, что этот нежный, тихий человек не пользуется авторитетом в семье. Я вспоминал разные пластинки и радиопередачи, в которых князька Баба Букаважно кинематограф своего мужа дурацкими капризами. И все смеялись над этой бабой.

Лялин папа объяснял только за столом. И selv он стоял рядом с мной. Он выпил, став еще нежной и тихим. Сначала Бабица пробовала пал, потом вдруг придвинула ко мне и заговорила об охоте, на которую ему так и не удавалось никогда съездить, о рыбалке, о которой он мечтал, и особенно сладко рассказывал он о кострах в горах во время войны, о товарище своем, охотнике, который однажды подстрелил из автомата медведя, когда доставлял продовольствия прерывались и солдаты нечего было жрать.

Он тихо журчал волею меня, нежный Лялин папаша, и глаза его светились неведомым огнем. Его нитю не слушал, время меня, на него никто не обращал внимания. А он говорил, и поднимал, и поднимал меня, а Лялина мама при каждой новой стопке одергивала его чересчур заботливым голосом:

— Анисим! Достаточно, дорогой.
— Но ни он, ни я не вертели ей. Он смотрел на нее искательно, боролась что-то и подливала, подливая водку. И только Жюжа Семенов, Лялина подруга, студентка, имела на него какое-то влияние.

Жюжа Семенова напоминала мне чем-то Шуру. Лицом на Шуру она не походила, была она тамнее, ве, немного спокойнее, старше, что ли. Но мне понравилась, что ей не очень интересно с этой компанией. Когда же она смотрела на Анисима Николаевича, темные глаза ее светили от какой-то непонимающей грусти.

«Замордовали» — думал я и дурил от водки, — замордовали маршала дядьку.

Да, это было похоже на всякие радиостановки с участием артистки Мировой. И вдруг я начал злиться. Злиться не на Лялину маму, а на него, на отца. «Что же ты дуришь?» — не шуми, что ли! Боевой офицер, смерти за глаза смотрел, а перед бабаши стухнул Нет, не над ним смеяться надо, а над тобой, хоть и жалко над тобой смеяться.

А он торопился, торопился, словно хотел выпустить на волю все застрявшие в нем слова. И слова торопились, зацеплялись друг за друга криками и спотыкаясь.

— Эй, Леша-Алеша, ничего ты, Леша-Алеша, не понимаешь! Судности человека ты не понимаешь...

Я уже злился на него и следил лишь за тем, чтобы не выругаться и не сказать ничего лишнего. А он журнал, журнал:

— Надо многого прощать человеку... Человек вынужден на своих плечах всю тяжесть мировой истории. Все тяжестно... Другой бы от его места давно бы плюнули на все, он, человек, нечеловек, нет. Надо относиться к человеку с ба-ваальной симпатией...

— Я и отомщу. Анисим Николаевич! — ответил я дубовым голосом, стараясь не выдать своего своей фамилии... Бабица вы и есть... Вы, конечно, но обижаетесь.

Он тихо засмеялся.

— Некуйте не обижаться. Пардон!
И, помолчала, подняла палец.

— Пардон! Ты знаешь, что французы говорят? — Нет. Не знаю, что они говорят...

— Эра, Алексей! Эра. Французы — хитро-ушная нация! Они говорят так прежде чем соединиться на девушке, поглядя на ее маты Соображались? Поглядя на ее...

— Мне глядеть ничего,— грубо возразил я и пошел, что пора уходить,— я жениться не собираюсь и встал, покачиваясь.

Но он уже не реагировал на мои слова, он мертво смотрел в одну точку, и на лице его в улыбке окостенели морщины. «Дошел», — подумал я и встал, покачиваясь.

Девочки что-то залопотали, зашумели, но я уже ничего не понимал. Я упорно продвигался вперед и немного пришел в себя только на улице, когда меня обдало свежим ветром. Потю я споткнулся, и земной шар, высочина, как мячик, из-под ног, сбросил меня в космическое пространство...

(Продолжение следует.)

22 января этого года исполняется 60 лет со дня рождения Аркадия Гайдара. Его имя известно и детям и взрослым. Его книги читают все — от пионеров-ребят до пионеров космоса; они воспитывают лучшие качества строителей коммунизма.

Общественность нашей страны широко отмечает юбилей Аркадия Гайдара. Интересно прожить юбилейные дни в Арзамасе: городе, где прошло детство Аркадия Гайдара, где он учился, где вступил в революцию и стал бойцом Красной Армии. Уже весной во все пионерские дружки Арзамаса были доставлены пакеты с «приказом Тылара: каждый пионер должен посвятить на улицах города одно дерево». «Приказ был выполнен точно в срок, так, как любил Гайдар. Арзамасские пионерцы активно работают в «зонах пионерского действия»: они всегда там, где нужно оказать помощь жителям города. Школяники трех городов — Канева (здесь похоронен Гайдар), Арзамас, Горьково — ведут постоянно переписку между собой, шлют друг другу альбомы, фотографии, различные литературные и библиографические материалы, связанные с жизнью и творчеством Гайдара. Эти альбомы, по почте, дружеские связи несут гордое название «Гайдаровские эсквайры». В Арзамасе есть улица, школа, библиотека имени Гайдара. В одном из домов Арзамаса открылся мемориальный музей имени А. П. Гайдара. Создатели музея стараются, чтобы здесь всегда все было так, как было в жизни писателя. Во время школьных каникул ребята города проводят любимые игры Гайдара. Они играют в «сильные страны» и «военную тайну», в «снежную крепость» и горюки. Но, пожалуй, кульминацией юбилейных дней стала встреча тельцов «Аркадий Гайдар», который был построен из 352 тонн металла, собранного пионерскими детворой.

Так отметят Арзамас 60-летие своего замечательного земляка, умевшего беззаветно любить свой народ, Родину и ненавидевшего врагов того прекрасного, светлого, имя которому — жизнь.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Э тот впервые опубликованный снимок я случайно увидел в альбоме известного писателя Степана Павловича Забоба, которому недавно исполнилось 60 лет.

На фотографии, сделанной тридцать лет назад, запечатлены Аркадий Гайдар и Степан Забоб.

В 1933 году — рассказывал писатель — я работал старшим редактором детского художественного радиопередачи. В то время у нас постоянно бывали многие детские писатели и, конечно, Гайдар, произведения которого ял шли в виде радиоконцертов, ял просто передавались по радио. Особенно хорошо его произведения звучали в авторском исполнении — Гайдар читал свои рассказы с удивительным мастерством.

Передо мной, авторы и редакторы, совместно обсуждали како-нибудь конспект для наших передач: в ту пору детское вещание переживало свое молодое, работало ял особенно интересно, как во всяком новом деле. Впрочем, мы и сами были тогда еще достаточно молоды...

Меня с Гаидаром связывала большая дружба. Иной раз после работы, усевшись рядом на редакционном столе и отбывая свои обязанности, мы натрасно друг другу только что написанную страничку, требовавшую обсуждения или товарищеского совета. Бывало, что литературные споры продолжались ил скимейке Тверского бульвара либо просто на ходу. И вот в одну из таких прогулок, в мае 1933 года, дурачился, мы сфо-

тографировались подряд у десяти лучших фотографов. С хохотом мы переходили от одного фотографа к другому вдоль всего Тверского бульвара, чем повергали их в немалое изумление.

Одни из этих «лучших» снимков сохранились у меня. Могу ял только думать, что эта случайная фотография ставит для меня особенно дорогой и ялвет трагические воспоминания спустя двадцать три года после гибели Аркадия Гайдара.

Ал. ЛЕСС

ГАЙДАР И КИНО

К инпродюсер Евгений Карелов, постановщик известных фильмов «Нахаленко» и «Третий тайм», начал свою творческую жизнь в кинематографе с ориентации небольшой повести Аркадия Гайдара «Дым в лесу». Недавно Е. Карелов побывал в редакции нашего журнала. Мы попросили рассказать его о своей работе над произведением Гайдара.

— Миниг Аркадия Петровича Гайдара, отмеченный высочайшей романтической идеей, великолепным литературным языком, в то же время удивительной простотой и остротой мысли. Они словно родились для экрана. Поэтому не случайно, что многие молодые советские кинорежиссеры обращались к произведениям Гайдара. Так, первый самостоятельный фильм Владимира Васова был фильм «Школа мумства», поставленный по повести М. Гайдара «Школа». Интересно отметить, что «Школа мумства», созданный в 1934 году, открывал дорогу таким героико-романтическим картинам, как «Тринадцатая молодость» и «Лавин Корнаги». «Они были первыми и «Добрыными». Талантливый киноре-

Кадр из фильма «Дым в лесу». В роли Володы — Тена Сейфулин.

...влияла у командира боевого отряда да коммунист... была... Тураносов. Хотя нос у него как нос. Обыкновенный. Прдумают же такую фамилию!

— А Аркадий Голиков знал, что Иван Кириллович — так величают Тураносова — да революции служил в царской армии фельдфебелем, обучал молодых солдат, переводчиков. А в семнадцатом пиону на все; и на Кедренского и на истопника... что-то... победного конца, врал от винтовки штык, повесил его на ремешок и поддал с фронта в родные края — в Малые Печеры.

Только недого ему хозяйством пришлось заниматься. В начале ноября шобры на базар в Арзамас ездили, привезли несмысленную вещь в Петерго, говорят, революция!

— После рабочего дня во дворе почты собрались ребятишки уездисколом, партийные товарищи, сочувствующие. Изучали пулемет, винтовку, одиннадцать, пошол Иван Кириллович по старой специальности.

Средств сочувствующих (так звали тех, кто готовился вступить в партию или уже подал заявление) часто бывал и Аркадий. Он подкашивался к одной группе, то к другой и все слушал и слушал, о чем говорил Тураносов.

«Стебель, грёбен, рукоятка» — эти слова, как стихи, звенели в голове Аркадия.

Во двор почтовой конторы Аркадий каждый день прибегал из редакции со свежим номером газеты «Молод».

«Како-то придет с новой ланкой газет, Аркадий решительно направился к Тураносову.

Товарищ командир, позвольте и мне с вами заниматься, научиться стрельбе... Тураносов сдвинул на лоб коммуну фуражку и, чуть намаслив носовую ленту, спросил:

— А для чего тебе, Голиков, уметь стрелять? Из рогатки, чай, умеешь, а вот из винтовки — зачем?

— Как это зачем? — встрепенулся Аркадий. — Вы что, товарищ Тураносов, шутите или газет смотреть не читаете? Из рогатки по воробьям стреляют, а я хочу баловаться бить. Фронт-то, он вот, уже рядом!

На занятия многие приходили со «своими» винтовками: время было тревожное, в окрестных местах были выданы оружие на случай внезапного нападения.

...нессер Владимир Скучбин, бабренев... ушедший от «нас, автор превосход... создав свою первую ленту по раннему рассказу Аркадия Петровича «Из трагиче... ставляющийся работать над кинопро... в 1932 году совместно с Юрием Чу... на в лесу (то была наша дипломная работа), мы внимательно изучали не только технический, но и его личные записи, днев... Леофобом, то и дневники 1939 — 1940 года Гайдар часто пишет о своих соотечественниках... «Настроение бодрое» — вот летничные заметки, посвященные в основном записям, насущным трудной, сложной... наградной профессии сибиряка. Гайдар бы... авторатурго, сам писал сценарии и свои произведения... том времени, когда мальчишки и девочки всех героев его книг. Война от... ли сбавила. Гайдар, но мечта писателя... стили создали фильмы почти по всем его произведениям. Аркадий Петровича.

...во время съемок «Душа в лесу» в ста...

А вот у Аркадия не было. Австрийский штык да винтовка затвора — разве это оружие?

Но на прошлой неделе неожиданно повезло. Эх, и замечательный это был день! Завлечение его, Аркадия, о приеме в партию разбирала Мария Валерьяновна Голикова и товарищ Вавилов — председатель уездного комитета. Правда, сразу не приняли — по годам (есть тут проклятый возраст — четырнадцать лет!) трудно в революцию быть. Но все-таки все-таки сказали, что обязательно примут. Даже в протокол записали вправду до законности партийного воспитания.

Так вот в тот самый день, только вечером, винтовку он получил, настоящий!

Получил так, что в штабе не захитро красногвардейцев в патрули по городу. А военный комиссар товарищ Чувшин ушел с большинством в направлении Ардагов: зашливылись там кулаки, готовили восстание против Советской власти. А город кому-то ведь тоже надо охранять. Вот тут-то старый друг красногвардейца Антипич и помог Аркадию.

Антипич пришел в штаб и сказал: — Есть у меня один человек на примете. Со мной не раз патрулировал да свазил...

Ну есть так есть. Это вы мне голову морочите, давай его сюда, и весь разговор! — сказал дежурный по штабу.

— Только того... Оружие у него неважное, товарищ дежурный: штык австрийский, так, форма большевистская...

Мальчишка, что ли, какой опель? — Да как вам сказать, парень он крепкий, рослый, на вид — лет шестнадцать!

— Шестнадцать? А как фамилия? — Голиков, Аркаша Голиков...

— Ах, Голиков! — протянул дежурный. — Что-то припомню...

— Он у нас вроде ординарец, — начал было Антипич, но дежурный его перебил:

— Знаю, знаю, а этого парень. Только он с виду крепким выглядит, а годово-то ему, того, маловато. Вот мы его завлечение сегодня разбирали. По молодости лет пока отказали...

— Голиков, Аркаша Голиков... — вправду до законности... — а потом приказал:

— Зови! Аркадий стоял за фанерной перегородкой и журчал.

Аркадий вошел в комнату дежурного вслед за Антипичем, шеленул каблукими и четко, по-военному отработав:

— Аркадий Голиков по вашему приказанию прибыл.

— Ну, Голиков, обращайтесь с оружием умеешь? — Так точно, прохожу обучение в боевом отряде...

— Давите подержать, а? — Боялись, — говорил Пашка осторожно взяв нагаз. Смотрел, изнутри оружие переплывает, а в глаза — огоньные борозны и счастьи...

Вернул Пашка оружие и спросил: — Спасибо у нас в клубе картина эта была...

— Сюро, Пашка.

— Сюро, вы, выавите, — кинул оружье и Пашка. А в глазах трактор. Я сию же минуту на Пашку, и мне представлялось, что пока...

...Гайдар, его произведение и понятие в строю. Думается, что советские художники, представители всех жанров искусства будут еще не раз обрабатывать и его творчество, черпая в нем неиссякаемое миозилово и высокую идельность.

Кадр на фильмах «Пусть светит...»

— Ну что ж, ладно. Воспитать так воспитывать! — Дежурный встал из-за стола и громко позвал: — Зинovieв! А Зинovieв! Принеси винтовку.

За фанерной стенкой кто-то громко кашлянул, потом в лязгу затворов и на пороге комнаты появилась красногвардейка. В руках у него была винтовка-трехлинейка образца 1891 года.

Дежурный взял из рук красногвардейца винтовку.

— На, возьми, Голиков. Запомни номер — триста две тысячи девятьсот тридцать девять. Оберегай революцию!

Учебными стрельбами отряд занимался на окраине города, в безветренную пору, около кладбища, там были холостыми патронами.

— А когда же боевыми? — спросил Аркадий своего командира.

Теперь, товарищ боец! — строго сказал Тураносов. — Прдет время и тогда боевые.

На третий день, когда отряд под руководством своего командира снова собрался идти на стрельбы в безветренную пору, Аркадий заметил, что Тураносова заложил в винтовку боевую оболочку.

— Аркадий вышел на огневой рубеж и, когда Тураносов командовал «гли», выстрелил. С беззвучными полетами ветки.

— Это еще что такое! — закричал командир. — Это же фант! А ну-ка, граф Монте-Кристо, ну-ка пойдя сюда!

Опустив голову, Аркадий пошел к командиру. Тураносов взял Аркадия за левое ухо и больно крутанул.

— Какое имя тебе была? Холостыми! А кой черт ты боевыми зарядил!

— Иван Кириллович, — пробормотал Аркадий, — винтоват, как есть виноват. А то все холостыми да холостыми. Дай, думаю, и настоящим...

— Я вот тебе дам настоящим! — закричал Тураносов и угрозами кулаком. — Ты понимаешь, что люди рядом ходят!

— Так в заветную березу стрелять! — оправдывался Аркадий. — Стол у ней вот такой тонкий, пуля не прошибет. А стреляю я метко.

Честное слово, метко... — «Метко, метко», — передразнил Тураносов. — Небось она не взорвет, мада не взорвется. Ученя! Пуля, она для врагов нужна. Каждый на почете. А ты по березкам. Эх, ты, дурная голова... Понимать ты должен.

И, конечно, сообщил Тураносов об этом происшествии в штаб, за такую виновность Аркадию здоровья бы досталось. Пожалея, и винтовку бы отобрали. Тут бы уже припомнили: и как из револьвера в доме священника через окно в оконотас стрелял и как по колокольню пашулу. И тогда бы не видеть Аркадию винтовки за номером 302739.

Но Тураносов не сообщил. Только на следующих занятиях сказал: — Урок тебе будет, герой. Понял! — И, улыбувшись, добавил: — Впряд до законности партийного воспитания.

«Ну что ж! — подумал Аркадий. — Урок так урок. Это не в училище, повторять не надо».

...ку. Так родился песня «Кавалерийская походная»: — Ты же, кони-птица! Ну-ка, с шага в ряс... К западным границам Тучи собрался.

Гайдар, его произведение и понятие в строю. Думается, что советские художники, представители всех жанров искусства будут еще не раз обрабатывать и его творчество, черпая в нем неиссякаемое миозилово и высокую идельность.

Кадр на фильмах «Пусть светит...»

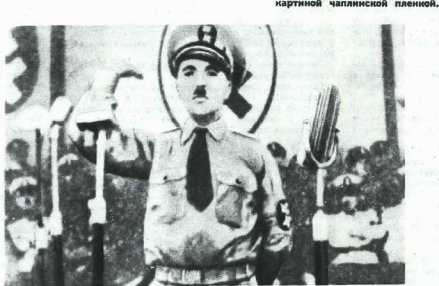
...в фильме в использован равнине стихи Аркадия Гайдара, на которые композитор А. Островский написал изуи...

ИЗ ПИСТОЛЕТОВ ПО ЭКРАНЫ

В 1942 году в югославском городе Вальево, оккупированном гитлеровцами, состоялся первый открытый в своем роде «премьеры». Вот что рассказывает о ней югославский кинорежиссер Николай Радосевич, которому было тогда семнадцать лет.

Мною заинтересовался друг детства. Моим любимым автором была Чарли Чаплин. Однажды я написал ему письмо с просьбой прислать автограф и, к моему великому счастью, скоро получил от него фотографию с надписью: «Николай Радосевич, конечно, не мог тогда думать, и чему приведет его знакомство перед великим артистом. После того, как наши заняли Белград,— продолжает Николай,— я устроился на работу в учреждение, занимавшееся сортированием фильмов, захваченных гитлеровцами в оккупированных балканских странах. Киноленты, которые не нравились немцам, уничтожались.

Друзья попросили меня незаметно вынести со склада несколько американских и советских фильмов. Тогда я и встретил картину Чаплина и нашего, и своему удивлению, «Большого диктатора» Чарли Чаплина. Я знал, что этот фильм

демонстрировался еще до войны в США. В Германии его не показывали, там жак фашисты, помнил, что Чаплин высмеивает их фюрера, запретили эту картину.

Николай Радосевич удалось тайным способом «Большого диктатора» со склада.

Он и его друзья решили показать этот фильм «избранным представителям высшей расы». Исполнить свой план в Белграде они не могли, поэтому было решено перекинуть «премьеру» в Вальево. Патриотам удалось перекачать фильм, предназначенный нацистами для демонстрации в этой городе, и занести «коробки» в фашистской картинной чалынской пленной.

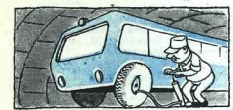
Настал день «премьеры». Зал кинотеатра заполнили немецкие солдаты и офицеры, зарывшие предыдущиеми удовольствие от очередной киноны, как гласила реклама. Когда на экран появился Чарли Чаплин и вскинул руку в жесте приветствия, публика восторженно зааплодировала. Однако уже через несколько минут зрители поняли, в чем дело. Обширные залы ступили по экрану, и вскоре весь город был полон на него немецкие солдаты, дежурившие у киноламп, решили, что на город напали партизаны.

«Я стою возле кинотеатра и издаю, что будет»,— рассказывает Николай Радосевич.— Когда началось стрельба, немецкие киномеханики поменяли и вставили неподвижную киноленту. Они не раскаялись в Белградском эпизоде, когда приказывали подбирать фильмы. Шансов на спасение не было. Меня арестовали. В тюрьме я встретил партизана из сосиски, с Вальево области. Среди них и знаменитого Стефана Фиминевича, который через несколько дней был публично повешен. «Вальевское дело» дошло до ушей команданта Белграда, а от него до высшего командования вермахта и, наконец, до самого Гитлера. Это дело Гитлеру повел самому посмотреть высшим командующим его фильму, ободе так по «гордости» не позволила фюрера сделать это. В Вальево за фильмом и киноинформом дела Николай Радосевича был послан специально в плен.

Радосевич случайно остался в живых. До конца 1942 года он находился в фашистском концлагере. Потом бежал в родную Югославию и до конца войны служил в партизанском отряде.

Ф. РУМЯНЦЕВ

ПОЕЗД МЕТРО НА РЕЗИНОВЫХ ШИНАХ

Первый поезд метро, снабженный резиновыми шинами, вышел на линию в парижском метро. Конструкторы утверждают, что с резиновыми шинами можно достигнуть большого комфорта, большой скорости, а следовательно, и увеличить пропускную способность тоннелей.

Хрусталь из песка

На рождение кристаллов горючего хрусталя природа затратила тысячелетия, а человек научился воспроизводить этот процесс в лабораториях всего за несколько часов. Интересные опыты поставили ученые Украины. Обычный песок, содержащий большое количество окислов железа, они нагрели до высокой температуры и подвергли воздействию хлора. Окислы железаступили во взаимодействие с хлором и улетучились в виде паров. Остаточный песок оказался пригодным для производства хрусталя и стекла высшего качества.

БЕГУЩИЕ ПО ВОЛНАМ

Сарфинг — езда по волнам — спорт мужественных и ловких. Смелым людям на доске и... которую не менее 4 метра. Заплыть далеко от открытого моря, они встают во весь рост на доску и на гребях игнорируют волны. Родина этого красивого вида спорта — Гавайские острова, жители которых сохранили на досках довольно длинные прогулки. В этом году в Австралии проводились первые официальные соревнования по сарфингу.

ПЛОВЦЫ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ ОТОПЛЕНИЕМ

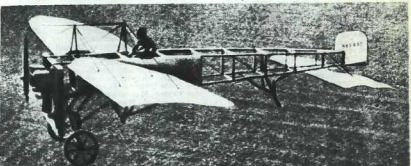
В США изобретены купальный костюм с батарейным отоплением. «Электрическая» одежда, над которой

сейчас проводятся опыты, состоит из 89 элементов из «карбонного» волокна. Этот материал умеет зарекомендовать себя в термостойких капсулах. Правда, волокно еще недостаточно хорошо изучено, над ним пока работают в лабораториях. Но уже разработаны большие возможности нового сырья для текстильной промышленности. Испытываются котоплавяющая рубашка и «теплозащитная» галстук. А первый «батарейный» купальный костюм уже готов. Он сохраняет несильными электрическими элементами на протяжении не более получаса. Правда, сейчас еще костюм настолько высока, что в ближайшие годы вряд ли появится на зимних пляжах пловцы с «центральной» отоплением.

В УГОДУ МОДЕ

Может быть, это историческая фотография: перелет Биерно через Ла-Манш в 1909 году? Нет, перед нами современный снимок. Допотопные самолеты всады за автомобильными старыми марок вошли в моду у богатых американцев — любители острых ощущений. Одна из самолетостроительных фирм США быстро наладила выпуск «летающих гробов».

ЦЕННАЯ НАХОДКА

Две картины знаменитого датского художника XVIII века Эбергарда Нейля найдены в подвальных помещениях музея Серпухова. Это «Старуха со свистком» и «Старуха на подшивании своих произведений», и восстановили его авторство удалось по описаниям в старых документах на по сходству с картинами, которые хранятся в частных собраниях Нейля.

Странная ирония судьбы: ни в галерее Боргезе в Риме, городе, где прожил почти всю свою жизнь Эбергард Нейль, ни в Лувре, ни в Эрмитажской галерее, ни в Императорском Эрмитаже нет картин этого интересного мастера, ученика великого Рембрандта. Написал они в маленьком Серпуховском музее. Собрание картин, в котором обнаружены полотна Нейля, ранее принадлежало серпуховской фабриканте.

КАЗАХСТАНСКОЕ ЧУДО

В восточных отрогах горной системы Тянь-Шань биологи обнаружили самую северную на территории Казахстана природную плантацию дикого винограда — одного из древнейших растений земного шара. Плантация дает крупные гроздья ягод с очень высоким содержанием сахара. Виноградные лозы этого северного шара решено использовать для создания новых, морозостойких сортов.

При создании новых заводов имеют значение не только последние достижения техники, но и красная, здоровая обстановка в цехах, лабораториях, конструкторском бюро. Исследования специалистов по окраске, как в винно, а в частности, винные цвета на самочувствие человека. Так, испарения зеленого раздражают, синий и голубой угнетают глаза. Разработаны специальные таблицы и инструкции по цветовой оценке производственных помещений. Подбор тонов основного поля — рабочего стола — может снизить или повысить производительность труда на 10-15 процентов.

Все эти полезные исследования могут, однако, остаться чисто теоретическими, поскольку в проектах заводов пока что не предусматривается внутренняя цветовая отделка и сочетание ее с освещением.

Работники «Промстройпроекта» — ведущего в нашей стране института по проектированию промышленных зданий — решили внести в это дело необходимый поправку — включить в проекты требования производственной эстетики. Талер «Цветовой климата» создает опытный специалист, архитектор.

Подобственно трудится в этой области молодой архитектор Анатолий Степаненко. Его работы одобрили видными специалистами. Сделанные им рисунки внутренней отделки одного из заводов одобрены и внесены в проект. Вот один из этих эскизов.

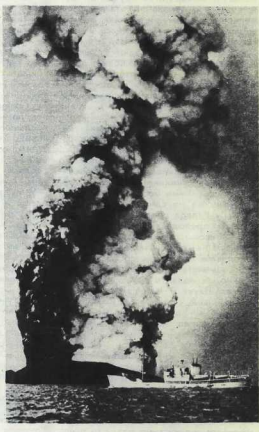
Р. ЛЕРМАН

Автограф Джузеппе Верди

Ценное приобретение — фотографию Верди с его дарственной надписью — сделала Центральный архив кинофотодокументов Грузии. Эта фотография почти семидесятилетней давности была подарена великим композитором известному музыканту Вильямшу Корганову, долгое время жившему и работавшему в Грузии.

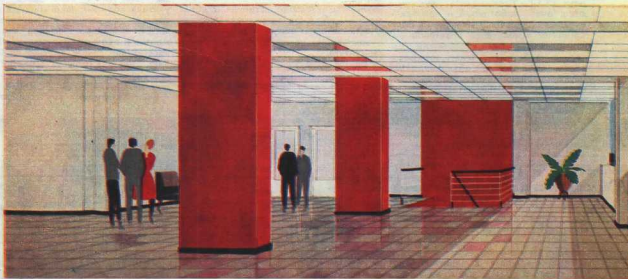
Ответ на вопрос, как Корганов стал обладателем фотографии, дает его биографический очерк о Верди. Он был издан в Петербурге в 1897 году. В этой небольшой книжке Корганов рассказывает о своей поездке в Италию в сентябре 1895 года и о встрече с автором «Аиды».

Этот остров возник недавно в ста километрах южнее Исландии. Своим рождением он обязан подводному вулкану. К началу декабря остров достиг длины в 1 километр и высоты в 100 метров. Но вулкан по-прежнему извергает миллионы тонн лавы!

Новый остров — сюрприз для исландцев. Но в природе явление это не ново. В 1783 году здесь уже появились подобные образцы остров. А совсем недавно — в 1957 году — вырос один из Азорских островов. Если новый остров сохранится, то он будет причислен к исландской территории. У острова еще нет названия. Его зовут просто «Госей» — «Остров извержения».

ЦВЕТА И НАСТРОЕНИЕ

профессии рождаются и умирают. Потому что есть задачи, которые человечество будет решать вечно. Никогда не исчезает фигура ученого, как не исчезают знания. Ни когда не прекратится обучение — эта живая связь поколений, это преемственность в науках и знаниях, без которой невозможны прогресс.

Как правильно учить? Над этим вопросом люди задумываются уже не одну тысячу лет. При раскопках древнего Египта и Греции были найдены древние глиняные таблички, куски кожи, обрывки папируса — украшения, которые делали дети под диктовку своих учителей задолго до нашей эры. На некоторых из них сохранились даже следы строгого учительского наравления, выправлявшего ошибки... Значит, письменные упражнения? Но известно, что француз Сорбиз подбирал своих учеников и последователей, ведя с ними бесконечные споры и дискуссии на самые неожиданные темы... «Владыка Сорбиз» не только преподавал — умножительная и бессмысленная зурбурка.

Интуиция помогала наиболее талантливым педагогам добиваться поразительных результатов. Но можно ли полагаться на интуицию сейчас? Наука и техника развиваются невероятными темпами. Количество полезной информации, новыми словами, количеством знаний, которые необходимо усвоить современному человеку — будь он слесарь или врач, физик или биолог, растет с невероятной скоростью. Отдельные отрасли знания и отрасли техники не только углубляются, но и стремительно расширяются, покидая свои пределы, извращаясь в новые неизведанные грани. И не только, казалось бы, далеки от современности чудачи-лингвисты с их пыльными фонетикой, но и они штурмуют новые материальные рубежи.

В результате возникли своеобразные «книжкины» между старыми методами обучения и теми задачами, которые ставят перед человеком уровни современного учения. И к этому моменту складываются сейчас большинство специалистов — в программированном обучении.

Программированное обучение... Если несколько лет назад о нем говорили только энтузиасты, то теперь это уже реальность. У программированного обучения появилась свой общесоюзный общественный центр — свидия Совета по кибернетике при Президиуме Академии наук СССР. У него есть свой совет, очень заблудный и неясный, — академик Аксель Иванович Берг. Один из основателей советской радиотехники, ученый, блестящий лектор, А. И. Берг все время интересовался проблемами обучения. Имя Берга последние годы прочно ассоциируется с кибернетикой. Жизнь, при программированном обучении — это кибернетика!

— Кибернетика, — говорит А. И. Берг, — общая наука об управлении техническими, биологическими и социальными процессами — безразлично. С точки зрения кибернетики обучение не что иное, как один из видов управления, управление процессом сознания человека. Так же, как и любой другой процесс, он может быть подвергнут точному анализу, основанному на строгих количественных соотношениях. Обучение сегодня — это процесс с плоским или с «прерывистым управлением».

С первого до последнего класса мы сидим за партами. Потом в технику-

мамы или институтах переживаемся за столы. В школе два раза в месяц, не чаще, нас вызывают в доску. У нас складывается прочное убеждение: учитель, вызывая отвечать, хочет побить тебя, пристыдить. Поэтому главное — не подходить, предварительно рассчитать, когда тебя выберут «жюристы». Еще одна школьная неприятность — письменные контрольные работы. Такого системы обучения, основанную на невольном стремлении поимать, учитель и наказывает плохой отметкой. А. И. Берг, сердясь, называет этот процесс школьными преступниками.

У педагога в классе около 30, а порой и больше учеников. Объясняя урок, он передает каждому информацию. Может ли он уследить за тем, насколько правильно поняли его ребята, не сложилось ли у них неверные выводы? Физиологические возможности человека ограничены — педагог физически не в состоянии уловить, по какому руслу течет мысли его тридцати учеников, слушает или мечтает о чем-то своем какой-нибудь девчонка на последней парте. Связь между классом и учителем идет только в одном направлении — от учителя к ученику. Обратная связь отсутствует, за исключением тех немногих минут, когда учитель и ученик встречаются у доски.

В одном из своих выступлений крупнейший математик, вице-президент Украинской Академии наук В. М. Глушков привел такой пример. Представьте себе сталеваар, которому сообщают самые отрывочные сведения о составе материалов, которые закладывают в мартеновскую печь. А данные анализа выплавленной стали он узнает спустя полгода после плавки. Можно ли рассчитывать при данных условиях на качественную плавку?

Ситуация со сталевааром очень похожа на современный процесс обучения в вузах, когда только в сессии, с опозданием на полгода, профессор узнает, как восприняты его лекции.

Доцент Московского энергетического института Ю. И. Кулешев, один из первых активных сторонников программированного обучения, нарисовал мне как-то в Бюрохот штурчонку, но очень образную схему. Профессор — доска — студенты — лекция. Профессор — студент: экзамен. Результаты экзамена: стрелка в десятку — обратная связь замыкается. Часть смешных фигурок студентов зачеркивается: демагант отчисляет их из института.

Образ еще один рисунок. Машина — ввод — выводит. Частота обратной связи возрастает в десятки раз...

Как же, значит, долгой профессором, долгой старье, апробированные методы? Да, действительно машины, и только машины! Значит, теперь вымытых и наглаженных до блеска, эволюционных перовокалассиков будут встречать первого сентября маашу? А как же первая учительница, которую помнят все школы? Да разве может холодный металл заманить минуты высокодушевного потрясения, которое возникает иногда на уроках, когда весь класс, замевре, слушает рассказ учителя!

Иногда само понятие «программированное обучение» принимают в штыки. Понимая, что настал век электроники, они все же не могут примириться с мыслью, что машина заменит учителя. Но ставится ли вообще так вопрос: «адекват ли машина? Правильны ли понятия «машина», «обучающиеся машины их противники? В чем, наконец, сила обучающих машин и каковы сферы их влияния?

Процесс машинного обучения влечет за собой, четыре основных момента: машина излагает небольшой материал, предусмотренный программой обучения;

задает контрольный вопрос; обучающийся, замыкая обратную связь (тут же, а не через два недели, не через месяц), вводит ответ в машину; машина оценивает ответ. Оценка положительная — команда перехода к новому материалу. В последние годы созданы десятки обучающих машин с разными названиями, разными целями — универсальные и специализированные, групповые и индивидуальное, совсем простые и очень сложные...

Всем этим машинам люди «включают» только определенные разделы и темы. Машина префексно замывает педагога там, где нужны четко тренировочные упражнения, где необходимо отработать навыки, рассчитанные на механическое запоминание.

А ведь почти в каждом предмете изучение таких подробностей отнимает едва ли не половину времени. Нелепо конструировать машину для того, чтобы она объяснила красоту и поэтичность онгенской строфы. Но зато она не хуже, может быть, даже лучше учителя объяснит школьнику, в каких случаях пишется приставки «при» и «пре». Не может машина темпераментно и вдохновенно рассказать, как восставший Париж штурмовал Бастилию. Зато она отлично проверит хронологию Великой французской буржуазной революции.

Один из первых советских образ-

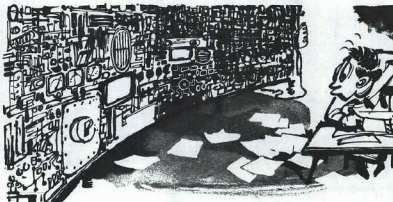
цов — небольшая переносная машина для грамматических упражнений школьников — «Елетитор-1». Она создана в Институте психологии Академии педагогических наук РСФСР. На пульте ее управления несколько рядов кнопок, светящиеся световое табло с оценкой «отлично». Оно как бы заране неinstrавляет ученика на оптимистической ноте. Каждое предложение, которое нужно разобрать, занесено на карточку. На ней дырокол пробито несколько отверстий. Карточку вставляют в перфорационное устройство. Машина по расположению отверстий знает, каковы признаки этого предложения, какие операции должен проделать ученик, чтобы определить его тип.

В небольшой комнате — лаборатории программированного обучения института — волнует, как на экзамене, я разбираю какое-то очень трудное предложение с бесконечным числом придаточных. Меня предупредили, что это совсем простенькая машина, и все-таки было стыдно встретиться с первым же разга. К счастью, машина, «подумав», поставила «отлично».

Но гораздо более тяжелое испытание ожидало меня в Московском энергетическом институте... На столах, тускло поблескивая экранами, стояло шестнадцать аппаратов «Экзаменатор». Внешне — по размерам, по форме — они очень напоминают телевизоры. «Экзаменаторы» включили все сразу. Раздалось мерное пощелкивание. Я пошел к одному из них, нажала кнопку, и повисла кард: вопрос и пять ответов. Справа один экран. После шести ответов вновь машина под уютное щелканье влипла мне дюймов по оптике и на этом отказался отвечать. Справа один экран. Наверху этой необыкновенной аудиторной табличка с самой прозаической надписью: «Кабинет автоматического контроля успеваемости». Повисли он, совсем недавно, накануне Октябрьских предзвонков. За неделю класс «Экзаменаторов» пропустил около трех тысяч человек. Он производит только точную успеваемость студентов: как усвоены лекции, грамотность к лабораторным работам. За час занятии студенты должны ответить на 15 вопросов. Одна ошибка — «отлично», две три — «хорошо». Сигналы отметок со всех автоматов тут же поступают для регистрации на пульт и преводавателю.

Мы еще не привыкли доверять машинам. И студенты нередко жалуются на «Экзаменатор», что он несправедливо поставил отметку. В таких случаях я рекомендую студентам обратиться к автору проекта: тут же находит нужный кадр и увеличивает его на стене,

Завтрашний экзаменатор: так бы быть, наша тут пала обстанет мне дюймов пленочных изобретений.

как бы приглашающего преподавателя работ.

— Чисто говоря, вначале студенты встретили наших «Экзаменаторов» как кровных врагов, — рассказывает преподаватель Г. Болдин, ведущий занятия в этом классе. — А теперь они так вошли во вкус, что обтоб от них нет. Проявляются сюда как будто свободно. Это и понятно: работа с «Экзаменатором» и огромная польза и развлечение.

— Развешены? — Еще бы! Мы стараемся вводить в машину вопросы в необычной, острой форме. В них много юмора, хитринки, даже головоломки. Чтобы ответить на них, не нужны громоздкие вычисления, а только четкие представления, наблюдательность, гибкость мышления.

— Оптимизм или же результаты занятий с машиной? — Конечно! Работа гораздо интереснее слушать лекции, активнее даются вопросы, старается все понять до конца: ведь машина завтра же может об этом спросить.

МЭИ — пионер программированного обучения. Здесь в студенческом конструкторском бюро под руководством Ю. Н. Кушевца работа началась еще в 1956 году. Была маленькая прокураторная комитет, из которой было время от времени выставлены ребята, не доверявшие враждам: инженерка только пробовала сабодорно. Не было ни тридцати, ни двадцати, ни денег на постановку опытов. Но в МЭИ-городе светилось по ночам только одно окно — СБЕИ и тут-то на помощь ребятам пришел академик А. И. Берг. День ученого расчитан буквально по секундам. И все-таки он приехал к ним в гости, внимательно ознакомились, наметили совместный план действий. Криво поговорили с теми, кто мешал работам.

В СБЕ собрался веселый народ. Ребята понимали: инженерские нужны друзья. Чем их привлечь? Шуткой, фокусом. И для начала собрали машину, которая играла в крестики и нолики. Какое было веселье, когда на студенческом вивере машина обгара профессора К. М. Поливанова. Потом повязался ибернетическая черепашка, за ней котик. У котика маска по рту конфета. Надпись приглашала отнять конфету. Кот особым электронным устройством чувствовал приближение человека и реагирует на него поздравно: то давал конфету, то зрягал, то обрызгивал завазавшегося зрителя одноклоном.

На развлекательных машинах ребята обилим руку, научились разбирать схемы, собирать блоки. И в итоге создали обучающий автомат, о

котором мечтали с первого дня. Сейчас ребята умеют управлять сложнейшими конвейерами на химических заводах. «Экзаменатор», тоже выросший из игры, уже запущен в серийное производство на опытной ленте МЭИ. Но пока работ из СБЕ это прошедший день. У них уже новые заботы, о которых они не любят, кстати, рассказывать до времени. Я подлаживаю случайно новую модель электронной памяти. Для чего она предназначена — пока секрет. Уже почти готов видеоматриондон. Звук и изображение в нем записаны на магнитную пленку. С помощью видеоматриондона можно будет «транскрибировать» лекции лучших профессоров. Сколько студентов слушает одновременно академика А. Н. Колмогорова! Десят, триста от силы. А видеоматриондон позволяет прослушать курс его лекций студентам-математикам всей страны.

В МЭИ рассказывали мне о том, как трудно составить программу для машин. «Экзаменаторы» частично прошиваются из-за того, что не все картеры успевают разработать достаточно хорошие программы. Самая совершенная машина ничему не научит, только собьет с толку, если в нее заложена современная программа. Составление программ сейчас главное дело, вокруг которого объединились педагоги, психологи, физиологи.

В последние десятилетия в науке происходит удивительный парадокс: мысль человека создает чудеса, но человечество до сих пор до конца не разгадало, что же такое сама мысль, как мы делаем выводы. Известно, что мыслительный процесс состоит из отдельных операций-высказаний. В какой последовательности ложатся они друг на друга? А если говорить о процессе обучения, то как лучше скрепить их между собой, чтобы дом получился добротной кладкой?

В Москве обучили недавно такой метод. Чтобы обучить печатать на машинке, букучку машинистку обычно тренируют два-три месяца. В основном это чисто автоматическое повторение одних и тех же операций. Выбрав первую пошарившую девчушку. За ее учебно наблюдая, анализировали характер ее ошибок. Девушка обучалась печатать за одну неделю. Фокус? Нет! Всего лишь правильно установленная последовательность логических операций: девчушке предлагали повторить лишь те из них, которые она плохо усваивала.

А что же и с программированными учебниками, этими ассистентами буд-

дничего всеобщего машинного обучения. Учебники могут и будут создаваться наряду с машинками, могут быть и совершенно самостоятельную роль. В чем их отличие от обычного учебника?

Материал программированного учебника строго разбит на главы, разделы, дозы или кванты — минимальные порции информации. В каждой главе выделено главное. В конце каждой дозы — контрольные вопросы, ответы на которые можно, только усвоив предыдущие.

В Институте психологии, в лаборатории программированного обучения, которой руководит Л. Н. Ленда, сейчас работают над первыми программированными учебниками русского и английского языков для средней школы. Составители учебника русского языка хотят не только научить основы грамматических правил, но и развить у детей культуру речи, научить их высказывать различные нюансы, стилистические оттенки речи. Достигается это специальным подбором упражнений.

Как в школе усваиваются правила? Крупным шрифтом дается некая формулировка, которую нужно зазубрить. Дальше примеры, пресные и однообразные. В программированном учебнике школьник должны будут сами открывать грамматические правила. Л. Н. Ленда привел такой пример. Дать предложение: «Иой товарищ вел себя незорощо. Учитель плохо отозвался о его поведении. Как сказать приятно, что его поведение осуждают, не называя, кто именно. Означимо, что «Ю тебе плохо отозвался». Вот и форма неопределенно-личного предложения, не заставляя правило, а необходимый шаг в высшей речи обророт.

Психологи не расширяли еще природу ошибок. Почему ученики, предположим, забывают при письме выделить двенадцать? Учитель, провывая письменные работы, может только догадываться об этом. Сейчас психологи разрабатывают систему ошибок-опытов и проверяют, чтобы выбрать оптимальный вариант упражнений, выяснив причины всех возможных ошибок.

Программированное обучение — это целая система самых разнообразных методов. Это может быть совсем примитивная механическая машинка для тренировки, которая, к слову сказать, готовится сейчас к серийному выпуску. Напоминает она обычный дисковый фотоконтрометр. В нее вставляются вопросы. Ответы — тут же проверяет себя. Такая игра-учеба позволяет незаметно усваивать материал. Произошел же курьезный случай

с «Репетитором-1», который несильно обучил механику. Первые шаги публичной демонстрацией «Репетитор» механики проверял контакты. Естественно, для этого ему пришлось выполнить весь комплекс обязательных упражнений: разобрать предложения, расставить знаки препинания. Когда он ошибался, машина поправала его. А потом механик признался преподавателю, что бросил шасть в цеплях, что никак не мог справиться с запятыми. И теперь сам не заметил, как машина заставила его разобраться в этих сложных предложениях.

Вершина программированного обучения — самоанализирующиеся учебные системы, которые будут учитывать особенности каждого ученика, регистрируя типы его ответов в цепях электронной памяти. Такая машина определит, какие вопросы оказались для ученика наиболее сложными, и повторит материал. В зависимости от способностей она ускорит или замедлит процесс обучения. Эти машины решат один из самых больных вопросов: как можно перейти на индивидуальные методы обучения.

— Учитель вынужден обращаться к некоему среднему слушателю, а между тем ни одного среднего в природе нет. Усреднение — злобный враг обучения. В том-то весь секрет, что надо использовать личные, индивидуальные свойства характера, склад мышления и т. д. и т. д. — утверждает лучший результатов, — утверждает академик А. И. Берг.

И все-таки какова же роль педагога в обучении? Машина раскропотит учителя, избавит его от мелкой, но обязательной, повторяющейся из года в год работы. Уже сейчас подсчитано, что только программа подготовки к лабораторным занятиям машинками освобождает 25 процентов времени преподавателя. Значит, есть время для того, чтобы думать, для более тесного общения с учениками, для выявления принципиальных вопросов. И вместе с тем «чувствуют» только самые талантливые и трудоголосные педагоги, предпринимая попытки выйти из своих лекций А. И. Берг. Ведь основной из задач стоит составление программы для машин.

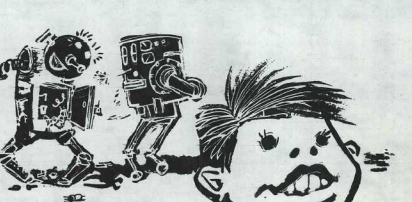
Впервые эти первые итоги программированного обучения?

Университет штата Вирджиния в США в течение года вел эксперименты по преподаванию арифметики в начальной школе с машинками. Обследовали две больших группы по 400 человек в каждой: обычным методом, другую — машинками. В итоге последняя группа гораздо лучше усвоила материал. При этом машинки сэкономили расходы на машинный метод дал явный, больший эффект, чем обычный.

В Гарвардском университете студенты три года изучали курс психологии на машинах. Лаборатории университета машины применяются при прохождении курса статистики, химии, логики, кинетической теории газа, то и изучают курс математики студенты тратят почти вдвое меньше времени.

В нашей стране интерес к программированному обучению огромный. Только за последние годы в СССР создано больше ств образцов обучающих машин. Увеличение их конструирования приобретает характер эпидемии. Настало время обобщать опыт. С этой целью недавно в Москве при Министерстве высшего и среднего специального образования создан Институт экспериментальной психологии. Председателем его избран А. И. Берг. Программированное обучение становится реальностью.

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО

—Этот пятимиллиметровый расстрога явля до глубины души!

Вплывала полночь. Таисия мчалась мимо помятых кузов Ботанического сада, осталась позади Тивин-ризовская академия. Круто повернув, машина застала среди узких темноватых академических улиц. То и дело водитель, не снижая скорости, выплюнул дальний свет, пропуская встречные автомашины. Когда выскочили на узкое освещенное Ленинградское шоссе, он облегченно вздохнул и погледел на нас в зеркальце:

— Ну уж вы не ждите и там лампы повесить!..

— В ряде стран исследовали влияние освещенности автомагистралей на количество несчастных случаев. Оказалось, что при достаточном освещении число ночных трагедий снижается почти на треть!..

О коротком монологе шофера и об этой статистике мы вспомнили в лаборатории наружного освещения Всесоюзного научно-исследовательского светотехнического института. Начальник лаборатории Михаил Алексеевич Острожский показывает нам стелды постоянной высоты новых светильников, разработанных в институте. Когда под потолком вспыхивают десятки «солнца», Михаил Алексеевич улыбается:

— Вероятно, неридеры нашего института — самые светлые мужчины столицы. — И добавляет: — Экономить электроэнергию — это не значит оставлять улицы без света. Когда говорят об экономии, подразумевают раз-

работку новых экономичных источников света.

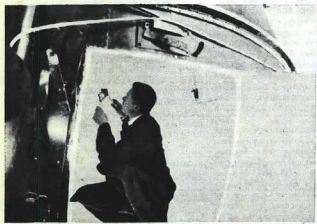
Михаил Алексеевич показывает новый светильник. В нем две лампы: ртутная и натриевая. Во время интенсивного пешеходного движения горит ртутная лампа, а свет принят для глаза, а ночью, когда «хозяйство» уличных становится автомобилем, в светильнике желтым явным вспыхивает более экономичная и лучше освещающая дорогу натриевая лампа.

Дистанция проблем ставит жизнь перед сотрудниками светотехнического института, и они решают все новые и новые задачи. Ведь свет помогает людям не только осветить и украсить город, но и определять сорность муки, проникать в тайны космоса, уточнять сельскохозяйственных вредителей.

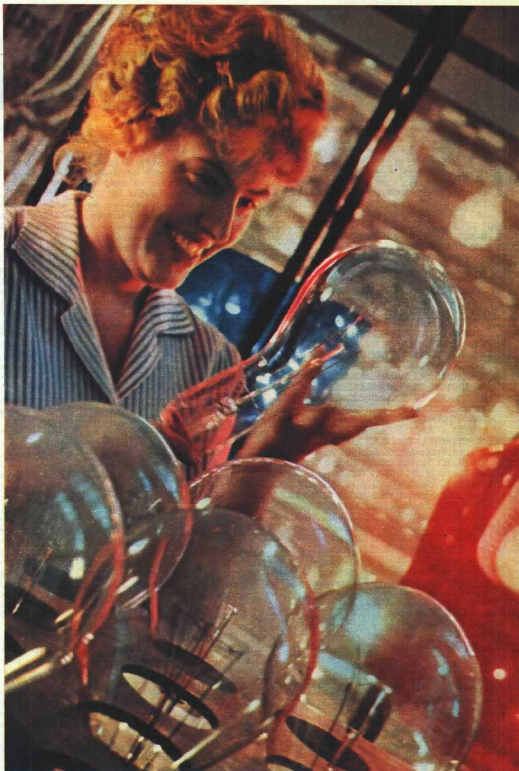
Над Кремлем горят в ночи рубиновые звезды. Их светотехнические устройства тоже разработаны в светотехническом институте, в лаборатории архитектурного освещения. После Великой Отечественной войны, когда с кремлевских звезд были сняты массивные мехолы, ученые установили трехслойные рубиновые стекла и поставили в звезды новые оптические системы.

Николай Васильевич Горбачев, начальник лаборатории, участвовал в создании нового саркофага для В. И. Ленина, разработывая схему освещения Мавзолея, Красной площади, Дворца съездов... Рядом с кабинетом Горба-

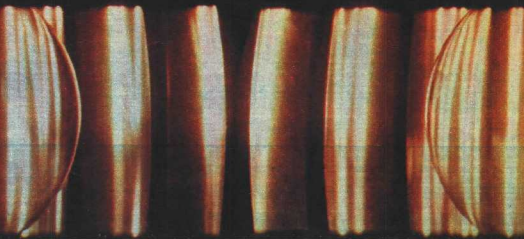
Гая Серова — техник лаборатории контроля источников света.

В трехметровый интегрирующий шар Геннадий Куликов входит, будто в батыгаф. С помощью шара ученые измеряют электрические характеристики самых разнообразных источников света.

И Д Е С Я

*В царстве света — отде-
лени светящихся красителей.
Заведующая отделением Ма-
рианна Ивановна Агранян
и техник Люба Давыдкина.*

чева отделение светящихся красок. Марианна Ивановна Агранян — хозяйка этого волшебного царства красок. Флуоресцентные лампы и тонкогордые ступни с порывами, диаграммы и тысячи светящихся, сияют под ультрафиолетовыми лампами. Здесь разрабатываются новые яркие, дешёвые светящиеся краски. Обязательно дешёвые, так как цена — почти единственное, что до недавнего времени стояло на пути люминофоров в мизан.

— Сейчас килограмм наших красок стоит уже очень дешево, не дороже обычных, — говорит Марианна Ивановна, показывая колбочки со спектрально-инстаными светящимися красками.

Этих красок ищут архитекторы и денаторы, художники мультифильмов и работники сельского хозяйства. Дело в том, что лаборатория вместе с Всесоюзным институтом защиты растений будет разрабатывать физические методы уничтожения вредителей. Известно, что у некоторых насекомых наблюдается повышенный интерес к определенному цвету. Нашува слабее к «противнику», ученые решили завлечь врага в светловолнушки.

Мы идём из лаборатории в лабораторию. Тысячами огней сверкает зал контроля источника света. Здесь осуществляется проверка ламп накаливания и люминесцентных ламп, выпускаемых отечественной промышленностью.

А вот лаборатория стробоскопии. Стробоскоп — прибор, который позволяет остановить мгновение: увидеть пулю в полете или в деталях рассмотреть «остановившийся» ротор быстро вращающейся турбины, диагностировать болезнь голосовых связок.

А громадная полугоразмерная лампа в лаборатории газоразрядных источников света, описывается, будет применена для получения капроната — исходного продукта для производства капрона. Спрятанная вместе с десятками своих сестер в фотореантор, она ускорит процесс получения искусственных волокон. Люди в белых халатах приручают свет.

Экскурсию вели наши

репортеры
**В. ДРУЖКОВ,
В. ДЕМДОВ.**

СЫННЬИ

ЕСЛИ НЕ ПОШУ О ПОИСКУ ИГРОВЕ...

Сколько было в классе ребят, столько разных жеманок и странных Игоря Ратков, Олег Великов и Юра Шеняков ушли в походы в южном плавание, Вал Зинголадов — зимней, Мин-Тонкиной, медицин-ной, Юрия Федотовского ин-тересов велосипед и рыб-ная ловля, Нику Аллахвер-дица. А в сказки им: «Йод-детка летит в поход искать рукописи». Этому удивился не только ребята.

«Школьники будут искать рукописи?» — переспросил старший научный сотрудник отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина Илья Михай-лович Кудряцев, но решил рискнуть. Он и его сотрудни-цы Ярослав Николаевич Шлихтер зашли за де-ло. Ребят надо было серьезно готовить, никому не за-учать.

Ничего. В Древней Руси оно считалось богатством и стояла изрядная сумма, но довольно много денег с крепо-стями. Предпринимать-Святители церкви похвалили дорожную книгу ниню, Юрия объявили богато-гощным даром храму, одно-му, не слышном доверия пе-риодикам, выходящие да-ры старались предупред-ить. Объявили о богатых титульных листья фоллиоты украсили особым запе-ном, грозными и названными заглавиями, отградуши-ли. Эти «выдающие запи-сы» начинались обычно с указания даты выезда: «Июль 1124 Апрель в 1 день пово-лою сие крину, глаголюще Апостол в домъ Воин!».

Школяки рассказали уди-вительные истории находок. В рассказах оживили эпизо-ды, узнаваемые по страницам учебника. Намного интерес-нее было то, чтобы научились отгадывать рукописи от пе-чатанных водонепроница-ны — флигранты.

Для школьников окончатель-но отработавшая маршрут: мы пойдем на Иерзене, в Занковские леса Сюда, у лесную, боковую глухо-ую долину, которую в начале XVII века бегали из Москвы и с Волги старобориды, спа-сались от преследования ца-рских принажили в ярах «по-ловки» своей уловкой они и свои священные релики — старинные «правиль-ные» книги, Морские книги, у местных жителей остались книги их предков...

«Невезение началось день-но в первый же день в лесистах. Намануе шли проливные дожди, разлило все дороги. Намануе трудом добрались мы до первого пункта. Там мы несколько рисовали сами себе, как будем искать рукописи: проходили по расписанию жителей, обой-дем все топотанное, но, конечно, найдем. Намануе «Слово о полку Игореве», чтобы не мешало, мы не слышали лишь в от-вете: нас действительно теп-

ло астрели. Но вот книг не было. А дни шли. Азарт первых поисков сменился спонор-ной девотностью, мы при-обретали опыт, учились по-настоящему распутывать ни-ти кинных судеб. Порой эти нити свивались в слов-ные клубки, и юным архе-ографам приходилось отме-рять десятки километров по лесным тропинкам, по гати, порой по пояс вода. Ко-мары и мошки, словно со-воронились, доводили до ис-ступления юных москвичей. В одном из сел нас сдела-ли, что у ласкина А. И. Иго-тарива, живущего километ-рах в семи от поселка Ру-стари, видели книгу. Ребят построили плот и спусти-

лось по реке и поселю — друга по поиску из-за дождей не было, здесь-то и ждала нас первая настоящая находка — «Цветник Федора Митвева», содержащий ва-риант «Сказания о цар-турском Магнета, како хо-тел соеших книги гече-сия!» Ивана Переставо, одного из интереснейших русских писателей времени Ивана Грозного. В селе Вязь ждала нас еще одна находка — книга, содержащая описание рукописного текста. Были здесь и «Слово Иоанна Златоуста о гортани» и «Слово о аста-стах» и «Житие Стефана Пермского». Свободные ста-ницы книги неизвестный пе-реписчик заполнил астро-

номическими сведениями, опи-санное редких явлений при-роды. «В лето 7230 велико-е на знамение, на небеси яви-лось порою огнюмою звез-дою, во время одного из восхо-но, в сырую иделю со-среды прогину чезварга». А через несколько страниц уже другой рукой записано: «В лето 7252 явилася звез-да с лучем в генваре меся-це. Луч имела и восток на-клонен». Тщательно оберегали архе-ографы свои дорожки на-хождения. Во время одного из переходов на проток нача-лась гроза. Тихий Иерзенец разбухал водой, поднялись волны, крохотный плот на-двинулся вперед. Подогать ут-ло сооружение к берегу не

удалось. Нуно было сде-лать все, чтобы спасти ни-мги, рукописи, найденные похода. Ито-то сообразил обернув в непромокаемый плащ, книги сплели в ве-таллический бак (в нем на-привалях готовили пилу), а чтобы вода не попала внутрь бака, ребята по оче-реди прищипывали его собой. Ни одна капля дождя не по-пала на помывающий ста-рости!

Вернувшись в Москву, мы передали Ленинской biblio-теке 5 уникальных рукопи-сей и книг. А принесли с со-бой ребята не только руко-писки, но и глубокую любовь и книги, уважение и труды тех, кто пишет, создает и бережет книгу. Так рукопи-ские поиски, в погоне за за-ветным «картинным» доку-ментом, окрелила два любя-щих...

...Уже давно окончили школу участники первого похода — школа № 39 син-теза 20-й, а Франция ста-раниями. И как под труд-да — школьный музей и подчасется редким рукопи-сей, сданных на вечное хра-нение в отдел рукописей Библиотеки имени В. И. Ле-нина.

В центре застенливой витрины — огромная книга, расписанная в старинном поперечной витневовой по-морско-ю вязью. Ее нашли в селе Дулеи, Боровской об-ласти, на чердаке одного из до-мов. Тонкий рисунок дере-вяно, орнаменты свидетельст-вуют о замечательном та-ленте мастера-книжника. Книге этой почти 300 лет. А рядом рукописи с «Сказан-ие купце Федоре». Ее нашли девятиклассники Алла Ер-меева и десятиклассники Та-на Кункина и Вася Ииваго. В данных, экспедиция школьников в районы Югорских, можно сузить о характере бытований здесь рукопис-ной литературы. Обсужде-ние ряда сел Семенового района показало, что еще рукописи XVI века: от-туда ребята привели два ки-нет, написанные 400 лет назад!

Мат и в любой научном поиске, экспедиции не все-гда кончалась успешно, но-вало различных препят-ствия вставало на пути поисков. Но благодаря найденные книги не удава-лось получить для руко-писки, иногда рукописи по-падали в руки археографов слишком поздно. Старинные были настолько истощен-ны, что восстановить их уже не было возможности.

Но есть еще один стра-шный враг древних книг — это обыкновенный слежун-ляк, промышляющий слепку-ю и перепродачей ценней-ших папирусов прошлого. Вооружившись фотоаппа-ратом, справками, выданными безотчетными документами, инстинкты жули-ков-спилунг! обследует все, где, возможно, будут старинные книги... Из-ра Боничевский, один из таких рыцарей называе-вызвал рукописи одной ме-рой слежуняка — мешками.

Во многих селах на своем пути юные археографы на-ходили печальные следы его деятельности. В болотном се-ле Занковинно, Любимского района, Ярославской обла-сти, почти все рукописи по-пали в руки местного броч-ника.

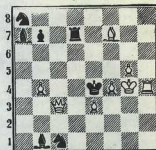
В поисках и охране дре-вних рукописей и книг, со-ставляющих неотъемлемую часть богатства нашего народа, бо-льшая помощь в чтении, в работе учителя и старшего школь-ника, школьного библиоте-каря.

Поиск лезе всего начи-нается с разговора со ста-рожицами...

Л. ПРЕСМАН,
учитель школы № 29

С Е Д Ъ М А Я ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

Мат в четыре хода (3 балла)
Задача 5-я

Во сколько ходов можно быстрее всего дать мат черному королю? (4 балла)

Этюд 1-й

БЕЛЫЕ — Крс8, Фз2, пп. а7, а5.
ЧЕРНЫЕ — Крс6, Фз6, Лн6, Сд6, пп. б5, б7, е7.
Выигрыш (3 балла).

Этюд 2-й

Ничья (5 баллов)

Дорогие читатели! Приглашаем Вас и Ваших друзей — любителей шахмат — принять участие в нашей традиционной олимпиаде. В нынешнем году олимпиада «Смены» состоит из четырех туров: 1) решение задач и этюдов, 2) разбор комбинаций, 3) организация и проведение шахматных турниров и 4) викторина и конкурс прогнозов.

За правильные ответы в каждом из четырех туров можно набрать 20 баллов. Максимальная оценка по всем турам олимпиады — 80 баллов. Участвовать разрешается как во всей олимпиаде, так и в любом из туров.

Победители каждого тура отмечаются специальными дипломами, а участники, которые займут высокие призовые места в общем зачете олимпиады, награждаются дипломами, шахматной литературой и памятным значком «Смены».

В юрии VII шахматной олимпиады входят: экс-чемпион мира Василий Смыслов, гроссмейстер Ратмир Холмогоров, заслуженный мастер Алла Кушнер, зам. председателя Федерации Шахматов СССР мастер Лев Абрамов, мастер Юрий Гусев и Феликс Игнатьев, редактор шахматного отдела «Смены» мастер Витнер Люблинский.

ПЕРВЫЙ ТУР: РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ

Участникам первого тура олимпиады предлагается решить семь композиций — пять задач на развлекательные темы и два этюда.

Решения, направляемые в редакцию, необходимо писать аккуратно, ясно, в полной шахматной нотации, указывая основные варианты, характеризующие ту или иную композицию. Не забывать, кроме фамилии, имени, отчества, сообщить, сколько вам лет, где вы работаете или учитесь, дано ли занимаетесь шахматами.

Обязательно сообщить свой адрес. На конверте просим писать только фамилию и имя. Последний день отправки писем в редакцию на первый тур олимпиады (по почтовому штемпелю) — 10 марта 1964 года.

Прежде чем приступить к анализу и решению шахматных композиций, рекомендуем познакомиться с некоторыми основными правилами:

1. Активной стороной, делающей первый ход и выполняющей задание, являются обычно белые, черные же — сторона защищающаяся.
2. Условие задачи — дать мат в определенное число ходов — выполняется при любой, даже наилучшей контригре черных; в решении этюда количество ходов неограничено, необходимо указать путь и достигнуть либо выигрышного или ничейного положения.
3. Каждая фигура или пешка в композиции имеет

Задача 1-я

Мат в два хода (2 балла)

Задача 3-я

Мат в три хода (2 балла)

Задача 2-я

БЕЛЫЕ — Крf7, Фн4, Лз2, Сс5, Кс7, Кс1, пп. с2, с3.
ЧЕРНЫЕ — Крb4, Фз2, Лз1, Сс2, Кз3, Кб3, пп. а5, б5.
Мат в два хода (2 балла).

Задача 4-я

БЕЛЫЕ — Крg2, Фг3, Лд3, Сс3, Кс6, пп. f2, h3.
ЧЕРНЫЕ — Крe1, Фг7, Лд5, Лд6, Сд1, Кд2, Кe5, пп. g4, e2, g5, h4.

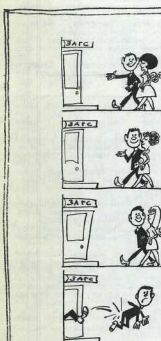

Рисунок Р. ОВИН'ЯНА

Рисунок В. ЖУРИНОВА

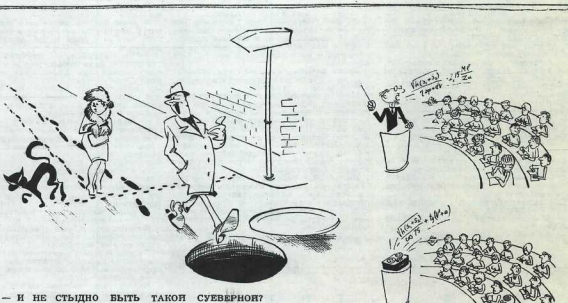

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА

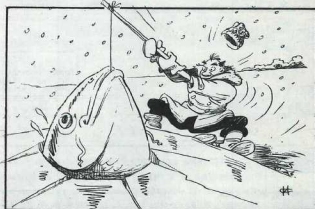

Рисунок И. СЫЧЕВА

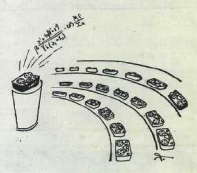

Рисунок В. ДМИТРИЕВА

— А МЫ СЕГОДНЯ ХОДИЛИ В ЗООПАРК.

«САМОЕ УЖАСНОЕ НИЧТО НЕ ПОВЕРИТЬ.»

БЕЗРАЗЛИЧНИК

ФЕЛЬЕТОН

Б. БОРИСОВ

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

О и был техником по электророботурованию. Он неплохо работал и неплохо зарабатывал. Когда однажды всей лабораторией отпраздник в Троицковку, он незаметно шыгуля в буфет. Выпил шесть бутылок «липового» и ушел домой.

В другой раз собрался в Большой театр на «Ромео и Джульетту».

— А, знаю! — Он отмахнулся. — Там один сидит лезет и своей занюханой баллон по водосточной трубе и поет: «Дит твое, родная, есть почта покаян».

— Нет, нет, — сказал ему, — это совсем другое. И учи, будет танцевать Майя Плисицкая. Через пятьдесят лет мигири тебе позавидуют.

Он раздумал.

Не могу никуда, сегодня в «Новом» играем. Двор на двор.

Мигири не читал все равно всех не перечтешь. На коньяке не катажисе пусть катажисе, кому ног не жалко. В планетарий не ходил: кто емлю, делать ничего?

Ему сказали, что в Нариском море снова исплобыно.

— В море всегда штормы, — заметил он.

Да нет, мы насчет кубы.

— Насчет Кубы?

— Ну жмиши ты и газет не читаешь?

— Спасибо. С меня довольно радио.

— А радио слушаешь?

— Зачем миги У нас телевизор.

Он действительно был техником, но по совмещательству он еще был дингаром. Обсуждается в дингар принимают и тех, кто не умеет прыгать по пальцам и не проводит в нос акулий плазмин.

Здесь слышны голоса: сами виноваты, не сумели занисеровать парня, найти формы, увальч».

Мне представляется номосомольский шоб, где сидят хорошие, ни в чем не виноватые дингары-мальчиши и спормяют: в какой бы это форме подать емлю Майя Плисицкую? В форме дингаровой босени, с дингарической дингарозинтой? А как быть с событиями в районе Нариского морю? Обложке не в форме увальчательной игры для ребят призывного возраста?

Но давайте мысленно выговорю по твоему, кто не сумел, и вернуться всестан к своему парню. Заводно говорим о любовничестве. О любовничестве в хорошем смысле слова. О жданном интересе ко всему. Это благородная мадрость, что нормальный четьи-одесчанко, что нормальный четьи-

реджетый ребенок ежедневно задает в среднем 437 вопросов. Нелюбознательных детей на свете нет.

Тогда откуда же берутся скучные молодые безразличники?

И я знаю одного дотошного мальчишку. В каникулы он гостит у своих друзей, лето — у дяди Бешы, лето — у дяди Гоши.

— Ты не сутись», — поучает его осторожный дядя Иеша, раз и навсегда наугадный лет двенадцать — пятнадцать тою назад, — что нам полемосе не знать, то нам сиянут. Вот смотри, что про Гому пишут. Обсуждается, самад длинная река в Европе.

Дядя Гоша не танок.

— Будешь меня мучить своим глупым вопросом — станешь в угол! И мальчиши в целях самосохранения перестав задавать вопросы. Будет обидно, если на мальчишине будет безразличник. Ему будет вполне хватать его довольно-таки среднего образования. Ничем не интересовать станет его твердый принцип. Ничему не удивляется — будет нормой его поведение.

В мире между тем творятся поразительные вещи.

Возникают новые государства, и прощоложения географическая карта сегодня уже не годится.

Полты растут земляны делюи. Посмотрите, сколько появилось непохожих паств, сколько написали настоящих стихов!

Что-то уже совсем невозоборимо проскочившая в науку. Разгадан биологический код, и прочитаны письма маяя. Звездры приближаны к нам. Дети сияют так заманчиво, что самим скривным людям хочется хватать их с небя.

Ничем не интересовать в наше с тобой время, читатель, — это значит нахально плыть на чужой радости и печали, котормы живут друзья, страна и человечество.

Безразличника можно раздратить, вырвавшись измном Федерации Футбола, на два подгруппы.

Одних волнует только то, что последние сезоны принадлежат измиллом. Если бы за широту интересов полагались награды и зарплата, они бы выжидали из Фибюлета.

А пока они только спрашивают: Время такое. Топчась девчачья все разбираются. Даме газированный автолав, только вымыть стакан разорвет биселатты. Пуля хочеть — плаги.

Спросиши таного человека о его жизненной философии, он тут же отбарбачит первый закон мифрономии: «Наизны Бомба чьяк миги хочеть».

Во второй подгруппе танак протестная-молодежная откровенность не в ходу. Здесь решительно рубят воздух.

И, брат, трункус? Трункус. Пользуюсь ощиотом риноуи. Приношу. А на театры да на астрономию и меня, прощитое, время не оставляет.

Демагог распознать не так уж трудно. Вот его сленга задела, и он сразу принимается говорить о правде, приносимой обществом.

Но общество, так оно сложное, как раз и нужно, чтобы ты иногда бывал в театре и интересовался, между прочим, астрономией.

Ты трункус? Но твой скок, котормый аж мессячи сполонит, никакой кинюй от Эйнштейна, он томе не тунереть в плато. Ты в высаче, что заполнил Дворцы спорта на арене с позтан, они томе работают. А инюге на них еще и учатся.

Вот что странное: хотя в зрительный зал безразличника и не врлано не зачатичны, но на сцене или зрание он появляется довольно охотно. Здесь, правда, он умеет похитить, возведенный в степень. В учению степень.

В первом акте плеса он шатажт из угла в угол, обдумывая очередную проблему. К концу этой проблемы, не что в мире его не замечает.

Во втором акте он присутствует и ничего не делает.

В третьем у него ничего не получается.

В четвертом проблема решена, но сам герой сполает на работе.

Но общество, так оно сложное — четвертьшестидесяти герой внутреннего себя.

Давайте только на минуту представим себе мир, где сплошь живут по добрым субьектам белой Остров безразличником.

Анносотруиторы так с утра до 12 ночи рассуждают только об знаменитых субьектах белой Остров безразличником. Цветы разрастается нюхот безразличником, кроме сейсмологов, но бесполое, и таном в застенке Остров безразличника, ставит ее лицом к стене. На пустом староме какой-то сумасшедший домогажеть никому не мучных рекордов.

Бр-р! Любовничство бываэт разное.

Один инювет привычку заглядывать в чужой карман. Таное любовничестве еще называют хамством.

Другие при встрече спрашивают: «Кем ты занят?» Это назают величайшее востро.

Речь идет совсем о другом: о инювой заинтересованности в делах и судьбах общества. Без инювой человек свлещается в нечто узкое, как богиномый шунрон, и одностороннее, как штампилка, которая вонзает все на свету, и хороши, что нежлы. Иначе случило быи бы инюва.

Но мы должны знать о нашем мире как можно больше. Потому что мы его передадим.

Фото Г. ДУБИНСКОГО

ПО Б А С Е Н К И

Виктор ЖЕМЧУЖНИКОВ

МЫШИ

Предла
Достигают мыши,
Пройди от похода
До крыши.

ГРЕЦИЯ ОРЕХ

В нем было
Боробанье извильны,
Но, как на грех,
Орех не раскушил.
И он, оставшись
Навесде в себе,
Засох, в своей
Замкнувшись скорлупе...

ЧЕРЕПАХА

Ей овороты
Не свойственно учитьсь.
Чтоб не превратил,
Не стоит торопиться!

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок Д 3-30-67; отдел литературы и искусства — Д 3-31-67; отдел очерков и публицистики — Д 3-31-63; мемуарной литературы — Д 3-31-50; филология — в спорде — Д 3-30-67; Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-66; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Сакоян.

Редакторы: Ю. Н. Верниченко, Е. А. Домостовский, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Костров, В. А. Мочетов, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], Е. И. Рабчинков, А. Б. Ступок.

Формирование В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 00304 Подписано и печатно 10/1 1964 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 185
№ 31133 Формат бумаги 70 х 100/16
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Женька

Не сгеша

Сто... ит средь лесов дере-вень-ка... Жи-ла там когда-то дав-нько... ни-ко- жи-
 -и-чи-щень-е и -мя но-си-ла, вы-со-ко-ки е тра-вы ко-си-ла... вы-
 -ла там когда-то давнько, дья-чон-ка по и-мени Жень-ка. Маль-ца...
 -со-ки е тра-вы ко-си-ла, бы-ла в ней веселая си-ла...
 -вы-ли стальные бу-ра-ны, тень крыль-е легла на по-ля-ны, тень крыль-е легла на по-
 -ре-те была и в за-са-де, е-е у-ба-жи-ли в от-ре-де, е-е у-ба-жи-ли в от-
 ...я-ни, и Женька ушла в партиза-ны. В сек-... гра-де... вы-и Женька.
 -ри-де, хо-те-ли продол-жить...
 Для оккупантов
 -ля, ни, и Женька ушла в партиза-ны. В сек-... гра-де... вы-и Женька.
 -ри-де, хо-те-ли продол-жить...
 Dim.

Стки К. ВАНШЕНИНА
Музыка Е. ЖАРКОВСКОГО

Стоит средь лесов деревенка
Жила там когда-то давнько...
Жила там когда-то давнько
Девонка по имени Женька.
Мальчишечье имя носила,
Высокие травы косила...
Высокие травы косила,
Была в ней веселая сила.
Завали стальные бураны,
Тень крыль-е легла на поляны...
Тень крыль-е легла на поляны
И Женька ушла в партизаны.

В секрет-е была и в засаде.
Ее уважали в отряде...
Ее уважали в отряде.
Хотели пред-ать и награде.
...висит фотография в школе —
В улыбке ни грусти, ни боли...
В улыбке ни грусти, ни боли —
Шестнадцать ей было, не боле.
Стоит средь лесов деревенка,
Жила там когда-то давнько...
Жила там когда-то давнько
Девонка по имени Женька.

- По горизонтали:
9. Советский поэт. 10. Песня И. Ф. Дунаевского на слова В. И. Лебедева-Кумача.
 14. Молодший советский поэт. 15. Один из первых комсомольских поэтов. 16. Горняк на Урале. 17. Народный писатель Белоруссии, русский ученый-химик. 22. Русский народная песня. 23. Стихотворение С. Пушкина. 26. Город в Латвии. 28. Поэт, сотрудничавший в «Правде» с ее первого номера. 30. Советский фильм, приуроченный к «Жулькин глобусом» на XI Международном фестивале. 31. Карельская эпическая песня. 32. Новатор эпика, совершивший первый беспосадочный полет СССР США. 36. Представитель народа, называющего Югославия. 40. Советский поэт, участник гражданской войны. 42. Женское ручное производство. 43. Сборник сведений о великих ресурсах страны. 48. Единица магнитной индукции. 49. Ученый, разработавший теорию исторических народов. 50. Советский зоолог. 51. Опера В. БруноVICCHESКОГО на либретто чешинкиной. 52. Один из островов Северной Земли.
- По вертикали:
1. Комсомолец, принятый в ряды КПСС во время полета в космос. 2. Стихотворение М. Горького. 3. Река, впадающая в Ладожское озеро. 4. Герой повести М.

КРОССВОРД

Составил В. ВАСИЛЬЕВ

Горького, написанной в 1910—1911 гг. 5. Ударная комсомольская строена на Урале. 6. Озеро в Красноярском крае. 7. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 8. Герой Советского Союза, комсомолец, руководитель подпольной организации в г. Острове в период фашистской оккупации. 11. Нефтеперерабатывающая станция в Белоруссии, где во время Великой Отечественной войны действовала подпольная комсомольская организация. 12. Советский живописец, график, скульптор. 13. Прыток Северного Двора. 18. Город-герой. 19. Формирующая театральную сцену. 22. Мощная транспортная машина для буксирования. 23. Музыкально-драматическое произведение. 24. Автор поэмы «Мавзинский мячница». 25. Герой романа А. С. Сергеевича «Иезуитский потоп». 26. Поэт, автор песни «Взвешивает историю, снится сон». 27. Оперное приспособление на мажорно-минорных ступенях. 32. Писатель, автор книги о международном рабочем движении. 33. Назначение Восточной крепости. 34. Название заповорного автомобильного завода. 35. Транспортерная драгировочная машина. 37. Метрологический прибор. 38. Исследователь Дальнего Востока. 39. Город, в котором проходила международный фестиваль демократической молодежи. 41. Основное положение именной алгебраической школы, автором которой был участник реформ высшего образования после Великой Октябрьской социалистической революции. 44. Прыток Западной Двины. 45. Произведение изобразительного искусства. 46. Растение хлебных злаков. 47. Порт на Северном морском пути.

- ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1
- По горизонтали:
7. Дремлю. 8. Утомян. 11. Дюбрек. 12. Стелмак. 16. Ноное. 17. Мирский. 18. Вилч. 21. Полема. 24. Вандра. 25. Волгоград. 26. Морет. 27. Феба. 28. Кричун. 29. Минута. 30. Сонд. 34. Козо. 36. Тобит. 37. Шпильман. 38. Петриц. 41. Осота. 42. Трейсер. 43. Немак. 44. Греша. 45. Алексеев. 49. Канду. 50. Султан.
- По вертикали:
1. Арктик. 2. Звениж. 3. Свят. 4. Бурк. 5. Новочет. 6. Вильер. 7. Беринг. 10. Бегисович. 13. Дюбо. 14. «Космос». 15. «Дюбрек». 19. Рогиров. 20. Кипутина. 22. Козер. 23. Новочет. 24. Кипутина. 25. Дюбрек. 32. Дюбрек. 33. Дюбрек. 35. Дюбрек. 39. Армия. 40. Новела. 44. Велка. 45. Устак. 47. Амур. 48. Анст.

Комсомолец Канкатегин — лучший стрелок-гарпунер колхоза «Герой труда».

В. ГИППЕНРЕЙТЕР. Фото автора

ЗВЕРОБОИ УЭЛЕНА

Моржи на лежбище

Уэлен. Знаете, где это? Самая-самая северная точка мыса Дежнева. Он такой же, как и сотни других молодых поселков: ряды домов из бруса, прямая улица, клуб, больница, школа — обычный поселок. А вот люди здесь необычные да и окружение тоже. Грохочет океанский прибой, над домами проносятся коски уток, бакланов, куликов. Всюду гигантские китовые кости, используемые и как строительный материал: из позвонков и черепов, например, построены опоры мостов или же выложены стены ям, в которых хранится мясо для собак. На берегу, готовые к выходу в море, стоят белоснежные вальботы.

Здесь много собак. На них никто не обращает внимания, и они не замечают людей, занятые своими собачьими делами. Зимой им придется потрудиться: собаки тут основной транспорт. Среди отвесных скал на

крутом склоне стоял когдето поселок Науман. Люди жили в норах, вырытых в горе и обложенных камнями, питались мясом, хранившимся в ямах. Они жили здесь потому, что прямо из своих яранг видели море, а у берега часто появлялись моржи и тюлени. Сейчас эскимосы переселились в благоустроенные колхозные дома, многие живут в Уэлене. В этом году по всему Чукотскому национальному округу не останется ни одной яранги, на оседлый образ жизни перейдут все кочевавшие в тундре олениводы.

...Кончился шторм. На рассвете у моторных вальботов собрались команды охотников. Возглавляет их бригадир молодежной бригады Лелюх.

Выходим в море. Замкну-

тые на берегу, охотники преобразуются, какущаяся отчужденность сменяется общим оживлением. Каждый выход на охоту для них праздник.

Мы идем возле берега. Над головами проносятся стаи птиц. На скалах птичьи базары, иногда показывающиеся из воды нерпы. Удивительный, непривычный мир!

...Охота на моржей. К спящему на воде зверю надо бесшумно подойти на вальботе и загарпунить его. Раненый морж опасен, он может пробить кликами борт вальбота. Так что смотри в оба...

Чем ближе к осени, тем чаще к берегам подходит льды, а вскоре появляется и береговая припай. Охота с вальботов сменяется охотой на льду, начинается пушной промысел в тундре.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820